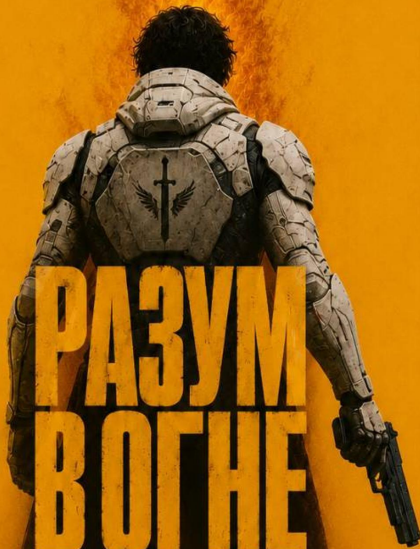

КОГДА ПОРЯДОК ЖИВ,
ИСТИНА СТАНОВИТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.

РАЗУМ В ОГНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КОНСТАНТИН ПЕРМИНОВ

18+

Константин Перминов

РАЗУМ В ОГНЕ

<https://litres.ru/74024261>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Разум в огне» — это не просто тёмное фэнтези. Это для тех, кто устал надеяться. Для тех, кто смеётся в лицо отчаянию и держится.

Книга, которая не покажет тебе свет в конце тоннеля. Потому что тоннель — это всё, что есть.

Здесь нет борьбы добра со злом. Нет героя, который спасёт мир. Нет хэппи-энда, после которого можно выдохнуть и жить дальше.

Здесь есть человек, которого система перемолола в фарш. Он потерял отца, друзей, рассудок и веру в себя. Его предавали, ломали, пытались стереть. Он хотел жить нормально — и не смог. Пытался умереть нормально — и не смог.

А потом он понял главное: «Если всё уже мертво — ну и похер. Тогда живём свободно».

Это освобождение через принятие. Когда ты падаешь на дно, облизываешь камни, теряешь всё, что можно потерять, — вдруг оказывается, что бояться больше нечего.

И тогда ты встаёшь. Не ради великой цели. Не ради надежды. А просто потому, что не умеешь иначе.

Удачи вам на этом пути, если решите пройти его вместе с Конрадом!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	48
Глава 7	53
Глава 8	58
Глава 9	67
Глава 10	79
Глава 11	86
Глава 12	93
Глава 13	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Константин Перминов

РАЗУМ В ОГНЕ

Глава 1

ПРОБУЖДЕНИЕ В БОЛЬНИЦЕ

Моё имя Конрад. Конрад Форт. И, честно говоря, я уже устал его произносить снова и снова. Каждый раз звучит как пароль, который должен открыть мне новую жизнь, а открывает только очередную порцию таблеток и тупые взгляды санитаров.

Я, по ходу, шизанутый.

Проблема в том, что я уже не уверен. Первые месяцы был уверен. Даже спорил с врачами. Кричал, доказывал, объяснял. Кусался. Пытался вырваться. Потом устал.

Потому что если десять человек говорят, что ты псих, а ты один говоришь, что нет. Рано или поздно начинаешь считать. Может, они правы. Может, действительно не бывает голосов. Не бывает теней, которые стоят там, где секунду назад никого не было. Не бывает людей, которых помнишь только ты один. Может, отец никогда не говорил того, что я помню. Может, его последние слова вообще существуют только в моей голове.

Иногда я повторяю слова. Боюсь забыть. А потом пони-

маю, что уже не уверен, говорил ли он их вообще.

Вот только одна проблема. Каждый раз, когда я почти соглашался с врачами, происходило что-нибудь такое, что снова заставляло сомневаться. И тогда становилось страшно. Потому что если я сумасшедший — меня можно вылечить.

А если нет?

А если говорить официально — значит, пациент клиники по лечению «душевных расстройств». Неофициально — парень, у которого всё так плохо, что даже реальность решила: «Не, брат, дальше ты сам разбирайся».

Эти мысли мой будильник. Просыпаюсь, я слышу в голове голос, который не мой, и думаю: «Ага, всё по расписанию, значит жив». Пока ещё не свихнулся. Продолжаем борьбу.

Есть три правила. Моя «библия разума» в мягких стенах.

Правило первое: голоса в голове — это твои личные тараканы. Не показывай их никому. Особенно людям, которые улыбаются. Весёлые люди самые опасные. Они сразу хотят тебе помочь.

Помочь так сильно, что забываешь, как говорить и думать.

Правило второе: реальность — это то, что видят все вокруг. Если видишь что-то ещё... поздравляю, держи это при себе, иначе тебе добавят «успокоительного».

Правило третье: дали таблетку — глотай. Хочешь жить — притворяйся, что помогает. Иногда они верят. Иногда — нет. В любом случае спорить бесполезно. Тут тот, кто спо-

рит, живёт со своим мнением, но в комнате без окон и кровати.

Воздух пахнет хлоркой и тихим отчаянием. Стены мягкие, чтобы ты не испортил себе товарный вид, если вдруг начнёшь биться головой о правду или попытаешься закончить этот цирк с пациентами и врачами.

Кровать привинчена к полу — видимо, чтобы я не убежал на ней в лучшую жизнь. Я смотрю на потолок. На трещины. Их восемнадцать. Я пересчитываю их каждый день, как священное писание.

Одна похожа на змею. Другая на крест. Третья на звезду. Я знаю их наизусть. По ним можно сдавать вождение: «Поверните направо на разветвление номер семь». Это мой пейзаж. Мой утренний и вечерний телевизор. Мир, в котором единственная переменная — я. И иногда я не уверен, что всё ещё здесь. Иногда я не уверен, что я — это всё ещё я. Иногда пытаюсь найти девятнадцатую трещину, новую, свежую, надежду. Но её нет.

Есть только восемнадцать линий, проложенных кем-то, кто тоже попытался сбежать, но ушёл не через дверь. Я здесь уже несколько лет... или дней... или десятилетий — честно, время тут сдохло первым.

Когда долго смотришь в потолок, начинаешь замечать странные вещи. Например, что некоторые трещины похожи на карту. Однажды я потратил неделю, пытаясь понять, куда она ведёт. Потом решил, что окончательно поехал крышей.

Через месяц обнаружил, что снова ищу этот маршрут глазами. Человеку нужен смысл. Даже если этот смысл нарисован сыростью на потолке психушки.

Дверь скрипнула так, будто кто-то тянул из неё кишки. В палату вошли мои любимые Фор и Брок. В этой клинике они — что-то вроде ангелов-хранителей, только без ангельского и без хранимого.

Пытаются доказать мне каждый день, что ума я лишился. А я пытаюсь им доказать, что они.

Фор — огромный ребенок человеческом теле. Выражение лица такое, как будто всё время ищет одобрения. Улыбка добрая, будто он пришёл поздравить тебя с днём рождения, а не тащить на пытку разговором с доктором Филипсом. Пахнет табаком, усталостью и наивностью.

Он был единственным здесь, кто иногда разговаривал со мной как с человеком. Не пациентом. Не диагнозом. Не проблемой. Просто человеком. Однажды принёс мне кофе из автомата. Отвратительный кофе. Худший в моей жизни. Но я до сих пор помню его вкус. Потому что это был первый нормальный поступок по отношению ко мне за очень долгое время.

Глядя на него, я всегда удивляюсь. Жена его усыновила? Иначе как бы она согласилась жить с ним?

Брок наоборот тощий, скрипучий, нервный. Таких самих надо отправлять на лечение. Глаза бегают, пальцы дёргаются, как будто самого держат на таблетках, но забывают говорить

об этом.

Этот опасный. Если этому что-то не понравится, то получишь пару уколов вне очереди. Вечером будешь мочиться в штаны.

Странно, но иногда мне казалось, что Брок ненавидит не меня. Себя. Бывает такой тип людей. Они приходят домой уставшими. Смотрят в зеркало. Видят там неудачника. А потом весь следующий день пытаются найти кого-то ещё хуже. Чтобы хотя бы на его фоне чувствовать себя человеком.

— Вставай, — хрипит Фор. — Доктор сегодня в хорошем настроении. Может, ты наконец-то поедешь домой.

Если бы у меня был дом я бы туда стремился. Но дома давно не было. Бывают места, куда можно вернуться. И бывают места, которые продолжают существовать только в памяти.

Я протянул руки для смирительной рубашки. Ну, знаешь, как другие протягивают руки для объятий. Только мои объятия — специфические. Кожа на запястьях давно превратилась в живые манжеты, мозолистые, сухие, как будто я всю жизнь держался за край пропасти и устал.

Наручники часто были моими украшениями за мой язык. Брок затягивает ремни с такой любовью, будто это единственная радость в жизни. Хоть за счёт меня он самоутверждается. Наручники защелкнулись. Свобода стала иллюзией. Жизнь опять пошла по расписанию.

— Опять ничего не помнишь, да? Будешь снова сказки

рассказывать. Может наконец то придумаешь новые. Сказал Брок —. Его лицо опять опустилось слишком близко.

Я сдерживал порыв, чтобы не плюнуть ему в лицо. Но вместо этого смотрю прямо и говорю голосом, который даже мне иногда не принадлежит:

— С вашими таблетками я забываю не то, что помнить... я забываю, зачем рот нужен. Говорить или пускать слюни. Брок хмыкает:

— Опять твои шутки.

Всегда мечтал, чтобы меня оценивали такие гиганты мысли.

Мы выходим в коридор, дверь захлопывается, будто мир рад избавиться от меня. Коридор длинный, холодный, как похмелье. И пациенты — как тени, у которых забрали контуры.

Фор заметил, что я смотрю в окно.

— Дождь пошёл.

Я кивнул.

— Красиво.

— Через решётку всё красиво, — ответил я.

Фор хотел что-то сказать. Но передумал.

Затем они переглянулись:

— Видел Мардж сегодня? — бурчит Брок. — Вся нарядная. И каблуки! Будто не в дурдом пришла, а на свидание.

— Ага, — ржёт Фор. — Свидание у неё с утками и ведром дезинфекции.

Первая шутка за неделю которую я слышал. Хотелось подбодрить его, но сил не осталось.

Они болтают о жизни, как будто это не место, где люди медленно растворяются. Теряют себя.

Мужик бился головой о стену. Медленно. Ритмично. Будто стучал азбукой Морзе. Тук. Тук. Тук. Когда мы проходили мимо, он вдруг остановился. Поднял голову. Посмотрел прямо на меня. Не на санитаров. На меня.

— Он уже рядом, — прошептал он.

— Кто? — автоматически спросил я.

Но мужик уже снова бился головой о стену. Тук. Тук. Тук. Словно разговора не было. Словно мне показалось. Фор и Брок даже не обернулись.

Мимо женщины, которая пеленает куклу. Кукла улыбается, женщина — нет.

Фор рассказывает про робота-трансформера, которого подарил сыну. Про то, как ребёнок счастлив. Как жизнь продолжается. Даже у них есть жизнь. А я пересчитываю трещины. Потому что только они не меняются.

— Ладно, пошли, — подталкивает меня Брок. — Доктор Филипс ждать не любит.

И мы идём дальше. Мимо чужих историй, чужой боли, чужих нормальностей. Мимо людей, которых автор забыл дописать. Иногда мне кажется, что мы все здесь — персонажи чьего-то божественного бреда. И каждый ждёт, когда тот вспомнит о нём и решит, чем всё это кончится. А пока... мы

просто идём по коридору. Чужие. Сломанные. Но всё ещё живые. Пока ещё живые.

Глава 2

НАСЛЕДИЕ

Кабинет доктора Филлипса был залит мягким светом настольной лампы, выхватывающей из полумрака лишь стол и два кресла. Пыльные шторы приглушали дневной свет, создавая камерную, домашнюю атмосферу.

Ещё бы, такая нечисть нормальный свет не переваривает.

Санитары подводят меня к столу, снимая смирительную рубашку и отходят. Доктор указывает на стул и предлагает присесть.

Ты сегодня добрый. Явно задумал что-то.

На столе между нами — картонная коробка. Обычная коробка для документов. Доктор с удовлетворением похлопывает по ней ладонью.

— Вот, наконец-то дошли материалы, Конрад. Помнишь я просил капитана полиции помочь. Нам нужна полная картина преступления. Для истории болезни, понимаешь? — он улыбается одними уголками губ, профессионально-ободряюще. Улыбка заученная и тренированная. Трудно увидеть фальшь. Нет не трудно!

Прошлая наша встреча закончилась шприцом в плече. Он уже держит его за спиной?

— Думаю, это поможет нам в работе. Нужно убрать ба-

рьер, который мешает продолжить лечение. Твоё сознание всё ещё цепляется за бред про ангелов. Но столкновение с фактами даст толчок. Здесь отчёт полиции и вещи твоего отца. — то, что было при нём в момент смерти. Ты готов?

Я молча рассматривал коробку. Никаких кричащих надписей. Только стандартные пометки учреждения и мелкий шрифт на торце: «Дело № 567893-У. Убийство Барри Фор-та». Выглядит как обычные архивные документы. Обычные для всех кроме меня.

Филлипс двигает коробку ко мне, его лицо выражает деловую заинтересованность. Какой хороший доктор.

— Изучи, хорошо? А потом мы все обсудим. Может, что-то важное всплывет. Обрывки памяти. Крупницы.

Хитрожопый. Не верю! Но вещи отца я давно хотел увидеть.

Он явно не представляет, что на самом деле находится внутри. Для него это просто коробка с вещественными доказательствами и папка с документами. Он думает, что это станет очередным инструментом в работе. Я беру коробку. Руки сами собой сжимают картон чуть крепче, чем нужно. Пододвигаю к себе. Аккуратно.

— Мы давно этого ждали, — продолжает он, в глазах читается искренняя, хоть и выгоревшая, надежда. — Я верю, что работа с артефактами памяти, с реальными предметами... это может помочь прорваться сквозь барьеры, которые построил твой разум. Чтобы наконец отделит правду от...

болезненной фантазии.

Я не смотрю на него. Смотрю сквозь него. Сквозь стены.

— Его не просто убил случайный грабитель, — мой голос звучал плоско, безжизненно. Временами переходя на шепот. — Его разорвали на куски. Крылья. Там были крылья.

Филлипс мягко вздохнул, делая пометку в карте. Делал все как положено.

— «Крылья». Да. Ключевой элемент твоей травмы. Итак, как сегодня поживает наша... общая навязчивая идея? Чувствуешь их присутствие? Прямо сейчас? Они в этой комнате?

Были бы мы вдвоем, я тебе быпоказал.

— Они сзади, — говорю я, и голос сам по себе дрогнул. Затем поднимаю глаза в пустой угол. Зрачки расширяются, сердцебиение учащается. Тело верит в это. Разум начинает настраивать тело.

— Они в углу. За твоим плечом. Их трое. Они... шепчут.

— Хорошо, — не оборачиваясь, говорит доктор. Его терпение кажется безграничным. — И что они говорят? Что то важное?

— Что я уже мертв. Это предсмертный бред. Палата, ты, я... мы все еще там, на асфальте. А мой мозг просто пытается осмыслить то, что случилось. И придумывает больницу. Придумывает новую жизнь.

Филлипс качает головой со странной смесью печали и одобрения.

— Очень распространенный защитный механизм при тяжелой травме, Конрад. Твой разум создает сложные, даже поэтические конструкции, лишь бы не признавать жестокую правду.

Случайную и несправедливую правду: был несчастный случай. Ты выжил. Твой отец нет. Виноваты не ангелы, не монстры. Виноваты обстоятельства, вы оказались не в то время не в том месте. Принять это... невыносимо больно. Гораздо легче поверить в крылья. В ангелов у меня над головой.

Я замираю. Его слова, такие логичные, такие здравые, вдруг находят слабину в броне моей уверенности. А вдруг? Вдруг он прав? Вдруг я не мститель, хранящий страшную тайну, а просто... псих? Чей разум сломался и выдумал сказку, чтобы не сойти с ума от горя?

Раньше наше общение этим и заканчивалось. Я спокойно брал конфетку обещал что вылечусь. Заем уходил резвиться в смирительной рубашке. Но теперь на столе лежала коробка.

Коробка... В ней либо доказательство моей правоты. Последняя надежда. Либо... окончательный приговор. Я правда сумасшедший. Все, во что я верил все эти годы, нереально.

Моя рука тянется к ней и замирает в сантиметре. Внезапно все внутри дико боится ее открывать. Потому что, если я псих, то не останется вообще ничего больше. Последняя

надежда в жизни разобьется. Совсем. А я окажусь голый и беззащитный перед реальностью, ничего не останется.

— Открывай, Конрад, — мягко, но настойчиво говорит Филлипс. — Давай посмотрим правде в глаза. Вместе. Это единственный способ тебе помочь. Остальное уже не помогает.

Я делаю вдох. Пальцы дрожат, касаясь картона. Затем тянусь к коробке. Движения замедляются. Открываю и кладу крышку в сторону. Заглядываю внутрь и первое что попадается мне под руку это ключи.

Ключи. Беру ключи от квартиры. Металл был ледяной. На ладони лежит тяжелый брелок в форме скрипичного ключа — папина старая шутка. «Чтобы музыка всегда играла в доме», — говорил он, покупая этот дурацкий брелок. И вдруг от этих воспоминаний возникает внезапная вспышка.

Вспышка. Не белая и резкая, а теплая, золотистая. Воскресенье. Я стою на табуретке у плиты, помешиваю пахнущий душицей соус. Отец сзади, его подбородок касается моей макушки, он поправляет мою руку, держащую поварешку.

«Не так энергично. А то всю кухню забрызгаешь, мама нам этого не простит». Его смех, низкий и грудной, заполняет всю кухню. От этого смеха становилось тепло и невероятно безопасно. В эти моменты я чувствовал себя в безопасности, как будто укутанный в теплое одеяло.

Вспышка гаснет. Тело начинает дергаться, сильнее сжимать ключи в руке. Я начинаю тяжело дышать.

— Реакция есть, — спокойно говорит Филипп. — Продолжай.

Фотография. Старая, с моментального фотоаппарата. С черными полосами сверху и снизу. Мы с отцом стоим на крыше дома. На небе ночь, за спиной — россыпи огней. Он обнял меня за плечи. Я опять щурюсь от вспышки.

Вспышка. Ветер на высоте, пахнет свободой и далекими дождями. Отец указывает рукой на огни аэропорта вдали. «Смотри. Они все там, внизу, бегут по своим делам. А мы с тобой здесь, над этим. Мы — те, кто смотрит на мир с высоты». Он молчал, а потом добавил, уже серьезно: «Никогда не бойся быть выше, сынок. Видеть то, что другие не замечают».

Я переворачиваю фото, будто оно обжигает изнутри. По щекам нехотя бежит слеза. В глубине души затрепетало ощущение глубокого одиночества, которое быстро стало подниматься. Было очень тяжело с каждой новой вещью ощущения усиливались. Я все ярче погружался в воспоминания. Тело сперва радовалось, заливалось теплотой и уютом, когда я вспоминал наши семейные вечера, но затем ужас и холод как будто топором обрубал всякую надежду.

Не смотри! Никогда не видел, как плачут сильные независимые мужчины?

— Что там? — доносится голос Филиппа.

— Ничего, — сипло отвечаю я. — Пустота. При этом вытирая слезы, бегущие по щекам. И внезапно опять воспоминания.

нения переполняют меня.

Вспышка. Уже не теплая. Ледяная. Тот самый вечер. Он стоит в дверях, лицо не просто испуганное — оно опустошенное. Перед выходом из дома отец вел себя тревожно «Будь осторожен Конрад, держись меня». И мы вышли на улицу, но вскоре нас настигли.

Его рука тянется ко мне, и в этот момент из-за спины вырастает тень. Белое, бесчеловечное лицо. И звук. Тот самый. Шелест огромных, расправляющихся крыльев.

Воспоминания заняли все место в голове. Слезы давят на глаза, но я не даю им пролиться. Боль от потери смешивается с ужасом от воспоминания. И тут я понимаю. Понял.

Он был моим миром. Моим небом. Крепостью. Они отняли его. Отняли у меня все. И теперь в этой пустоте, в этом хаосе, где нет больше ни музыки, ни звезд, ни смеха на кухне — остался только один ясный, четкий, единственный смысл. Мечь.

Затем голова медленно останавливает взгляд на Филиппе. В моих глазах уже нет страха, только холодная стальная решимость. Я твердо и четко решил, что отомщу. Я найду тех, кто это сделал и убью их чего бы это мне ни стоило. Следом я достаю бумажник.

Твердо и четко что то мне это напоминает. Пахнет дефолтом .

Бумажник. Открываю его. Вижу фотографию: мы улыбаемся. И вдруг все поплыло. Лицо отца на фото расплывается.

ся, превращаясь в окровавленную маску.

Быстрый, рубленный кадр — падающее тело, хруст костей. Мой голос, громко, панически: «Пап!»

— Ты здесь, Конрад, — говорит доктор. — Ты в безопасности. Это просто память. Вернее, ее отсутствие, которое мозг заполняет сказками.

Вроде отпускает. Сознание снова возвращается в норму. Я роюсь в коробке дальше.

Права отца. Коричневая корочка, потрепанные уголки. Я вглядываюсь в имя: «Барри». Буквы расплываются от напряжения, краем глаза мне чудится иная надпись, проступающая сквозь них. Мозг, привыкший к кошмарам, сам достраивает знакомый кошмар «АНГЕЛ».

Я с силой зажмуриваюсь, пальцы впиваются в глаза и лоб. Это не оно. Это не настоящее. Ты должен это видеть. Ты должен это принять.

Прекрати. Его звали Барри. Он был человеком. Из плоти и крови. Он смеялся, готовил пиццу, читал тебе книги. Его убили, это нелепая случайность, ограбление. Ужасная случайность. Крыльев не бывает. Крыльев не бывает!

Я борюсь с видением. Борюсь с собой. С частью, которая годами цеплялась за чудовищную, но спасительную сказку, потому что правда — о безлюдной дороге и отсутствие людей рядом — была невыносима. Правда означала, что его больше нет, и виновата лишь слепая случайность. А в сказке он был кем-то избранным, его забрали могущественные силы, у

смерти был чудовищный, но смысл. Значит, у мести он тоже был.

Следом открываю глаза. Смотрю на права. Просто права. Потрепанные. Человеческие.

На имя: Барри. И впервые за долгие годы эта простая, скучная правда кажется страшнее любого ангела.

Пора смириться. Я болен. Пора лечиться.

Затем пальцы нащупали клочок бумаги сложенный пополам, записка была похожа на чек, поэтому не бросалась в глаза, а тихонько ждала своего часа в закрытом кармане. Столько времени прошло.

Записка. Пальцы нащупывают в тайном отделе бумажника сложенный вчетверо листок. Почти не надеюсь на что-то ценное. Уверен, что это еще одна квитанция, которую мой мозг превратит в кошмар.

Разворачиваю и вижу надпись Конрад. Записка явно была написана почерком отца: Шепчущие тени в углу замирают. Правильно. Помолчите немного.

Комната на мгновение обретает резкость. Искажения пропадают.

Начинаю читать. И звучит его голос — не безумный шепот из головы, а ясный, твердый, реальный.

Сын, если читаешь это то они добрались до меня. Не верь тому, что тебе скажут. Ты не сошел с ума. То, что ты видел — правда. Наш мир лишь тонкая пленка, натянутая над бездной. Тебе предстоит это узнать. Если эта записка у тебя

значит я не смог. Я не смог защитить тебя, как когда-то не смог защитить твою маму. Мне жаль, но тебе придется пройти этот путь, мой путь. Как можно долго я отодвигал этот момент, но он все равно пришел. Скоро твоя жизнь изменится. Не противься судьбе, теперь уже ничего не изменишь. Найди мой амулет. Это ключ. Сожми его. Боль будет настоящей. Значит, что ты на правильном пути. Доверься тому, кто придет за тобой. И не забудь: Оборви им крылья. За меня. За нас. И вознеси Маму, она ни в чем не виновата.» Я люблю тебя сын.

Я сижу, не двигаясь. В глазах — не безумие, а шок от обрушившейся ясности. Вся ложная реальность рушится.

Амулет. Почти не глядя нащупываю в коробке холодный металлический диск. Смотрю на него. Это не галлюцинация. Это реальный, тяжелый, холодный объект.

Сжимаю его в ладони. Сквозь таблеточную завесу проступает острая, реальная, режущая боль! По руке течет настоящая кровь.

Я не чувствовал ничего настоящего долгие годы. Только тупые уколы нейролептиков и призрачные видения. Каждый день.

Эта боль единственное, что имеет смысл. Амулет отвечает. Изнутри пробивается тусклый голубой свет, подсвечивая кости пальцев.

Я поднимаю глаза на Филлипса. В моем взгляде не осталось и тени сомнения. Только холодная, обжигающая ярость.

— Ты... знал. Все эти годы... ты знал. В моих глазах — ужас и ненависть. Я сжимал его так яростно, словно вся боль все эти годы копившаяся внутри вырвалась наружу. Все насмешки, издевательства, годы в окружении психов.

При сжатии амулета вылезли острые грани, которые порезали руку, кровь начала капать на пол заряжая его.

— Что вы делаете?! Это лезвие! Откуда вы его достали?! Санитары!

Санитары начинают быстро двигаться в мою сторону, выхватив у меня амулет и бросив его в сторону. Они схватили меня за руки и держали. Опять. Сейчас будут бить а потом обколют.

До завтра меня уже не будет в теле.

Глава 3

ПОБЕГ

Вдруг дверь в кабинет вылетела так, будто её выбил скоростной поезд на полном ходу. С грохотом врезалась в стену, уронив докторские дипломы вместе со штукатуркой. В кабинет ворвались пыль, свет, запах хлорки. Но главное в проеме появилась она. Высокая. Стройная. Нереально красивая.

Женщина в костюме, будто монахиня решила стать киллером.

Странная материя обтягивала каждую линию тела. Каждый изгиб становился изящным. Что это было? Латекс, нет — что-то вроде чёрного нанопластика, созданного одновременно для молитв и убийств. Разработанный в секретной лаборатории исключительно для красивых женщин. Её глаза сияли как ледяные прожекторы. Они скользили по кабинету и остановились на мне.

— Чёрт... — выдохнула она почти неслышно. — Он и правда здесь. Амулет и приложение к нему.

Она двигалась быстро. Идеально. Как ангел, который действительно спустился на землю по делам или за мной. Движения были бесшумные, плавные, но в каждом читалась смертельная точность.

Её рука легла на оружие, напоминающее пистолет. Артефакт из белого полимера, похожего на кость, был пронизан

золотыми линиями, которые светились, как живые.

— Нашла, — сказала она в передатчик. — Цель жива. По виду психически нестабильна. Очень не стабильна. Амулет активирован. Активно поглощает энергию носителя. Готовы к эвакуации.

Повторяю. Он выглядит... ненормально. Нам точно нужны такие кадры?

Я открываю рот, но она уже направляет оружие на санитаров и Филлипса. **Наконец-то кто-то накажет этих ублюдков.**

— ЛИЦОМ В ПОЛ! ВСЕ!

Санитары падают, как мешки с тухлой картошкой. Филлипс пытается подняться — она целится, он моментально снова ложится.

Затем её взгляд переключается на меня. Я замираю — то ли от страха, то ли от удивления. Но приказ лечь мне она не повторяет. Вместо этого смотрит в глаза и видит ярость, кровь, боль, свет амулета.

Что-то в её лице впервые даёт трещину. Не заметную с первого раза.

— Какой-то он всё-таки странный... — бормочет она в передатчик. — Не нравится он мне.

— Забирай, — отвечает голос на том конце передатчика.

— Легко сказать. Он улыбается, как блаженный. И смотрит, как щенок на хозяина.

— Ты... одна из них? — тихо спрашиваю я.

Она моргает.

— Ага. Понятия не имею, кого ты имеешь в виду. Не разговариваю на умалишенном. Вставай. Я тебя забираю.

Она тянет меня резким, уверенным движением. Сила в её руке суровая, но в прикосновении есть невероятная теплота. Я не понимаю, что происходит, но мне это нравится.

За мной спустился ангел — идеальный, стремительный, опасный.

Мы вырываемся в коридор как буря. Сирена раздирает тишину, лампы начинают бешено мигать. Стены будто дрогнули под давлением. Она стреляет в камеры. Две резкие вспышки, и пластик разлетается, плавясь. Мы достигаем угла коридора и останавливаемся у окна, усиленного решётками.

— Не лифт, но хрен с ним, — бросает она.

Удар сапогом и окно вылетает во двор. Стекло разлетается. Металлические решетки не спасают от сапога моего ангела.

Но во двор уже высыпала охрана. Серьёзные лица, тяжёлые бронежилеты, стволы, направленные вверх. Их много. И направлены они на нас.

Страшно стало. Правда страшно.

Я сильнее сжал её руку. Не хочу назад. Даже если ничего не понятно — это лучше, чем гнить здесь. Сирена орёт, как ржавый крюк, тянущий нервы из плоти. Она не просто звучит, а рвёт голову. Тревога сделана так, чтобы пациенты

сходили с ума. Она убивает логику. Сердце стучит о рёбра.

Голоса охранников приближаются. Сначала далёкие, потом — удары тяжёлых ботинок становятся ближе. Ближе и ближе приближаясь. Шаги синхронные, как у марширующей роты. Уже слышен скрежет затворов.

— ВСЕМ ОСТАТЬСЯ НА МЕСТАХ! ЛЕЧЬ НА ПОЛ!

— РУКИ ЗА ГОЛОВУ! ПОВТОРЯЮ: ЛЕЧЬ!

Эхо множит их крики. Паника растёт. Сирена будто усиливается. Или от страха мне это начинает казаться. Кто-то кричит. Кто-то роняет тележку санитаров в проходе. Металл звенит. Ступни охранников грохочут всё ближе. Дыхание становится слышно — быстрое, рваное.

— На землю, БЛЯДЬ! — грохочет голос. — ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Она лишь ухмыляется уголком губ.

— Переоценили они себя, — тихо шепчет моя спасительница. — Они думают, что могут взять нас.

Она толкает меня в подсобку. Мы влетаем внутрь. Она захлопывает дверь и подпирает её шкафом. Спустя несколько секунд уже слышны удары снаружи.

— ОТКРОЙТЕ!

— ЛОМАЕМ ДВЕРЬ!

— ГОТОВЬТЕСЬ СТРЕЛЯТЬ!

Сирена на миг замирает. Лампы моргают.

— Амулет! Сожми. Сильно. Если хочешь жить — ЖМИ!

Я сжимаю. Острая боль пронзает ладонь. Кровь течёт. Она

прижимает мою руку к своей груди — чтобы я не дрогнул. На мгновение я чувствую её сердце — дикое, быстрое, уверенное.

— Сильнее, мать твою! — орёт она. — Давай, умалишённый герой!

Свет вспыхивает голубой плазмой. Звук — будто гигантская скрипка рвёт струны толщиной с канаты. Стены плавятся. Пол проваливается. Снаружи кто-то выкрикивает команды, кто-то рвёт предохранитель — и...

Сквозь дверь слышны удары и звуки ломающегося замка. — Они уже здесь, — шепчет она. — Мать вашу. — Прыгаем!

Её пальцы вцепляются в мою руку так сильно, что хрустят кости. И она тянет меня в самое яростное, синее, сверкающее пекло. Мир выворачивается. Хрустит. Ломается. Звенит. Я слышу свой хрип. Её крик. И всё исчезает. Амулет взрывается слепым синим светом разжывая пространство. Воздух трещит, пахнет паленым. Стены текут, как воск.

— Первый раз будет неприятно, — бросает она. — Вдохни поглубже. Если блеванёшь то в сторону.

Она хватает меня крепче, и мы делаем шаг вперёд — в самое пекло света.

Глава 4

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Портал сомкнулся с глухим хлопком, будто воздух захлопнулся за нами. Она вышла из разлома с той же небрежной уверенностью, с какой выходят из лифта: твердый шаг, ровная спина, взгляд, сразу оценивающий обстановку. Меня же вышвырнуло, как мешок с мусором. Я рухнул на колени, и мир опрокинулся. Асфальт плыл перед глазами, звуки доносились будто из-под воды. Тошнота подступила к горлу и меня вывернуло, оставив на асфальте жёлтую лужу.

Вот и всё утро. Такое скучное, обыденное.

Она даже не обернулась. Просто щёлкнула передатчик в ухе. Ровно, деловито, как будто я тут не умираю.

— Я его вывела. Напомни протокол. Давно амулеты не активировали.

— В передатчике послышался ответ. — Требуется идентификация амулета и проверка носителя на инфильтрацию.

Я кашлянул, вытер рот дрожащей рукой и попытался хотя бы подняться на четвереньки.

Поза молящегося. Или собаки. Молящейся собаки!

— Эй... — прохрипел я. — Кто..., кто ты вообще такая?

Я вообще то здесь. Посмотри на меня. Зачем спасала тогда? Такого красавца.

Она наконец повернула голову. На миг. Взгляд был холод-

ный, почти равнодушный, как у человека, привыкшего смотреть на смерть. Затем она медленно опустилась на корточки рядом. Пальцы в тактической перчатке резко сжали моё запястье, выворачивая ладонь с амулетом к свету.

— Сначала протокол. Потом знакомства.

— Да пошёл он, твой протокол... — выдавил я. — Ты кто?!

Не знаю кто ты, но сучка та еще.

Она чуть сузила глаза, словно решая, стоит ли тратить на меня целую секунду жизни. Какая важная.

— Имя хочешь? — ровно сказала. — Агата.

И механически добавила:

— А теперь не дёргайся.

Девушка наклонилась ближе, взяла мою руку и пристально вгляделась в амулет:

— А я Конрад. Давай жить вместе.

Она нехотя улыбнулась. Было видно что реакция была естественной, но не желанной. Затем она выдержала паузу и продолжила процедуру.

— Пять... шесть. Номер 56.

На мгновение повисла тишина, пока в её наушнике не прозвучало:

«Номер 56. Последний зарегистрированный носитель — Барри Форт. Амулет утрачен в ходе инцидента в секторе 7-Г. Статус носителя — скончался. Сигнатура считалась потерянной. Внимание: вероятность компрометации высокая».

После этих слов в воздухе повисла тишина. Я вообще не понимал что происходит. Просто любовался изгибами. Но счастье длилось не долго.

Холодный ствол её пистолета упёрся мне в лоб.

— Кто ты такой? Вообще. Я сглотнул.

— Меня... зовут Конрад.

— А теперь давай без истерик, — её голос стал стальным.

— Как ты оказался в психушке? И кем тебе приходится Барри Форт?

Страх и ярость подбросили меня вверх. Я выпрямился насколько мог.

— Моего отца убили. Мать умерла раньше. Меня таскали по приютам, а потом заперли в дурке, потому что я говорил правду — моего отца разорвали на куски ангелы! Я должен отомстить! В записке... он написал, что кто-то придёт. Но я не понимаю, что происходит! Кто вы?!

Поток сознания лился без остановки в попытке избежать пули.

— Сейчас отвечаешь ты, — её голос был твёрдым, как металл. — Говори правду.

Дуло сместилось с моего лба и упёрлось в плечо. В её глазах я увидел не ненависть — пугающую пустоту. Холодный расчёт. И понял: она выстрелит. И всё. Конец. Боль, унижения, ярость — всё зря. Я не смогу отомстить.

И тут же накатило странное облегчение. Словно всё заканчивается. Не нужно больше никому ничего доказывать.

— Стреляй! — выкрикнул я, голос дрожал от отчаяния и надежды. — Убей меня! Закончи это!

Выстрел!

Огненный шар боли прожёл плечо. Я закричал, схватившись за рану, и рухнул. Сквозь туман видел, как кровь сочится сквозь пальцы.

Я же пошутил, нельзя верить психу, когда он хочет смерти.

— Зачем?! — взвыл я, уже забыв о желании умереть. Инстинкт самосохранения и жажда мести оказались сильнее. — Я сказал хочу отомстить! Вы должны были помочь! Должны!

Я повторял это снова и снова, пока Агата не крикнула:

— Убери руку!

Я послушно отдернул ладонь — и обомлел. Края раны стягивались, плоть срасталась, оставляя лишь розовый шрам.

— Что? Что это?

— Норма. — Уверенно сказала она. Сила амулета, заставила тело вылечить себя. Пуля святая поэтому быстро. — констатировала она, убирая оружие. Ни одобрения, ни разочарования — просто факт. — Теперь поднимайся. Нам нужно дойти до ближайшего разлома и закрыть его.

Чистый. Слово разнеслось по сознанию эхом.

Правило второе: реальность — то, что видят все вокруг. Если видишь иное — молчи.

Все эти годы я давил правду, которая рвала меня изнутри.

Видел крылья, слышал шёпот, чувствовал леденящий ужас от этих существ. А в ответ — уколы, усмешки, взгляд доктора Филипса и его вечное: «Это лишь плод травмы, Конрад».

И вот я стою на холодном асфальте, со шрамом на плече, и это правило рушится. Реальность оказалась шире, страшнее и... честнее, чем навязанная мне ложь. Ангелы-убийцы — реальны. Боль амулета — реальна. Эта циничная женщина — часть той правды, которую я так долго не смел произносить.

Значит, молчать больше не нужно. Я имею право спрашивать. Говорить. Жить.

После этого я поднялся. По спине пробежали мурашки не от страха, а от странной, опасной надежды. Наконец-то появился тот, кто знает. Кто видит то же. Я могу не просто выживать, закапываясь в свои фобии, — я могу действовать. Могу отомстить тем, кто лишил меня всего.

Цель была далека, скрыта в тумане, но первый, самый тяжёлый шаг сделан. И это вселяло дикую, почти безумную уверенность, что я смогу добиться своего.

— А кто вы? — спросил я, и голос звучал уже твердо.

— Сложный вопрос. Ответ может затянуться часа на два. Или на целую жизнь. Но если коротко мы боремся за порядок. И теперь ты часть этого.

— А мой отец?

— Я мало знаю. Не служила с ним. Закроем разлом в аду, затем покопаешься в архивах. Найдёшь ответы сам.

— Где? В Аду? В каком еще аду — спросил я.

Но ответа не последовало. Мы шли вперёд. Она достала второй пистолет и странный браслет-держатель, протянула мне.

— Надень. Вставь амулет сюда.

Я сделал, как сказала чудо женщина. Металл браслета сомкнулся вокруг запястья, амулет будто ожил. По руке прошёл разряд, мысли прояснились, силы прибавилось.

— Пользоваться умеешь? — бросила она указав на пистолет.

— Нет. Я умею только таблетки глотать и протягивать руки вперед, но научусь, — твёрдо сказал я, сжимая рукоятку пистолета. Голос больше не дрожал.

Или научусь протягивать ноги!

— Видишь нечисть — стреляй. Держись рядом. Не геройствуй.

— Очень подробный план. А зачем я нужен на этом задании.

— Нет времени таскать тебя в штаб, побегаешь хвостиком, главное не умри. Разлом нужно закрыть как можно быстрее!

Я научусь. Я убью всех, если это приблизит меня к цели. Тихонько бормотал себе под нос, убеждая себя.

Только не понятно чему я научусь. Не быть трупом!

Она остановилась на секунду, оглянулась. В уголке её губ дрогнуло что-то похожее на усмешку.

— Псих. Но такие нам и нужны. Надеюсь со зрением дела лучше чем с головой.

Затем мы дошли до багрового разлома в реальности. Она шагнула в него. Я — следом, не колеблясь.

Глава 5

УРОКИ НЕНАВИСТИ

Портал выплюнул нас в ад. И она не шутила. Реальность лопнула, как гнойник, и швырнула нас в эпицентр кошмара. Воздух был густой, вязкий, пропитанный серой, горелой плотью и медным привкусом крови. Под ногами хлюпала кровавая грязь. Прямо перед нами раскинулось озеро — чёрное, как дёготь, в удушливых дымных шлейфах. Над водой кружили твари. С десяток. Крылатые. С кожей, похожей на потрескавшуюся глину. Всё здесь дышало чужеродным, подавляющим ужасом. Это не было похоже на Землю.

Ну вот. Знал бы, что перееду из дурки в задницу мироздания, — надел бы чистое бельё.

Это реально был Ад. Симпатичная тётя не шутила. Всё, что я знал об Аде раньше: не мой посуду, матерись при бабушке и ты здесь.

Агата не ждала. Её тело работало на автомате. Резкий, отработанный жест и крюк с чавканьем впился в крыло ближайшего демона. Мощный рывок, её подбросило вверх, навстречу твари. В полёте она не тратила время на оружие. Удар пяткой в голову. Хруст. Демон камнем рухнул вниз. Не отпуская трос, она маятником набрала скорость и выстрелила в следующую цель. Я видел только мелькание тени и падающие с неба тела.

Смотреть на неё — всё равно что наблюдать за работой хорошего хирурга по телеку. Ни одного лишнего движения. Только свист рассекаемого воздуха да хруст костей. Гипнотизирует.

Я рванул за ней, огибая озеро, но годы заточения в четырёх стенах давали о себе знать. Лёгкие горели, ноги подкашивались. Вскоре я перешёл на шаг и просто доковылял. Догнал, когда она приземлилась на колено, на лету меня магазин в пистолете.

— Если я... когда-нибудь... сказанул что-то плохое... — выдохнул я, опираясь на колени, — ...то я глубоко извиняюсь!

Она ехидно ухмыльнулась, окинув меня насмешливым взглядом.

— Лесть принимается. Держись рядом и не мешай работать.

Получил одобрение из рук богини с пулемётом. Теперь можно и умирать.

Вдалеке, над раскалёнными скалами, прорвался inferнальный вой — низкий, вибрирующий. Сигнал тревоги. Ад ответил. Всё вокруг загудело. Топот, вой, шипение. Давящее ощущение, что нас окружает орда, жаждущая растерзать. По-тихому не получилось. Или так и было задумано. Я пока не понял.

От этого воя я инстинктивно достал пистолет и начал двигаться как крутые мужики из боевиков. Ща я вас всех. Толь-

ко подойдите.

Я поднял голову. В багровом небе зиял разлом — рваная, пульсирующая рана. Сотни, тысячи мелких крылатых бесов облепили её, вгрызаясь в края когтями и зубами, расширяя проход.

Агата с отвращением цыкнула, убрала пистолет и сдёрнула с бедра сложенный брус. Механизм щёлкнул, шестерёнки повернулись, и в её руках оказался массивный, футуристичный пулемёт с вращающимися стволами.

— Отойди и пригнись! — скомандовала она.

Всё вокруг загудело под оглушительный рёв пулемёта. Тяжёлые очереди вспарывали плоть и кости. Первые ряды демонов — обычные бесы и рогатые твари, нёсшиеся на нас, — были разорваны в кровавую взвесь. Я жался к ней, стреляя урывками, больше для самоуспокоения, чем для пользы дела. Зато круто двигался вправо влево. Парил в пыли битвы в стоптанных больничных тапках. Контраст унижительный: мои выстрелы — хлопки, её очереди — бойня.

— Неплохая компания собралась, — бросила она сквозь зубы, поворачивая раскалившийся ствол.

Послышался новый звук. Тяжёлые, мерные удары, словно по наковальне. Из-за холмов выползли массивные чудовища с огненными хлыстами. Пит-лорды. Они били по земле, и на месте ударов открывались ямы — глубокие проходы, из которых выскакивали новые рогатые твари. Портал для подкрепления.

То, что я переживал в тот момент, трудно описать. Чистый, концентрированный ужас. Зачем было тащить меня в это пекло?

— Целься в голову пит-лордам! — командовала Агата, не прекращая косить бесов.

Я прицелился. Дрожь в руках, сердце колотится о рёбра. Вправо, влево. Выстрел. Голова демона дёрнулась — пуля чиркнула по рогу.

— Есть! — закричал я. Повернулся к Агате и на секунду мной овладела радость.

Чёрт. А ведь приятно. Когда ты не просто сумасшедший, а сумасшедший с правом на убийство. Наконец-то профессия совпала с призванием.

Но стоять на месте. Радоваться. Долго думать и пиздеть лишнего — стало роковой ошибкой. Я потерял бдительность. Свист. Огненный хлыст рассёк воздух и полетел прямо в меня. Я замер, увидев приближающуюся смерть. Мысль была короткой и простой: «Всё, отстрелялся».

Мощный пинок в бедро швырнул меня на землю. Хлыст ударил в пустое место, оставив дымящуюся борозду на камне. Агата стояла надо мной. От её амулета расходился сияющий, полупрозрачный щит — он принял на себя второй удар.

— В следующий раз зови меня до того, как тебя в угли превратят! — голос хриплый от напряжения.

— А что, так можно было? Может, ещё какие-нибудь приколы есть?

Я вскочил. Ярость и благодарность вытеснили страх. Стрелял уже не наугад. Отпрыгнул вбок от когтей, выстрелил в затылок рогатому. Затем получил удар от второго. Меня сильно отбросило, но пока не убило. Кувыркнулся под брюхом пролетающего беса, выпустил очередь ему в спину. С каждым попаданием амулет пил их силу, отдавая её короткими, мощными всплесками адреналина. Движения становились чётче, увереннее. Теперь я мог кувыркнуться вперёд, не сломав шею. Прыгнуть выше, бежать быстрее, видеть острее. Так я думал. Но что было на самом деле никто не видел.

Похоже на мощный, непрерывный допинг, поступающий в мозг.

И вот волна отхлынула. Вокруг грудями лежали тела. Десятки, сотни. Огромные пит-лорды валялись чуть дальше. Выжившие не решались подойти, просто рычали и отступали. Мы, отстреливаясь, двинулись к замку вдалеке. Тот был отгорожен рвом с кипящей лавой. По дороге выскакивали ещё полсотни бесов, но теперь это была не угроза, а досадная помеха.

Мои несколько точных промахов точно переломили ход битвы. Я уверен!

Мы приблизились к обрыву. За ним пропасть. За ней — цель. Адский замок. Внизу клочкотала и пенилась река из чистой энергии страданий. Через пропасть должен был быть перекинут маленький, игрушечный мост. Но он поднят на той стороне, у мрачных ворот. За ними чувствовалось дви-

жение.

Агата упёрла руки в бока и крикнула:

— Эй, рогатый урод! Открывай лавку! Я тебя всё равно убью!

Из-за зубчатых стен донёлся тонкий, визгливый голосок:

— Никого-ого-ого нет дома-а-а!

Агата замерла на секунду. А затем разразилась таким искренним хохотом, что, казалось, рухнут скалы.

— Ну ты даёшь! Насмешил! — всхлипывала она, вытирая мнимую слезу. — Ладно, за такие шутки убью тебя быстро. Обещаю.

Из-за стен слышались обиженные возгласы и ругань. Я не выдержал:

— А можно хоть в общих чертах? Я в восторге, не спорю, но пока не очень понимаю, что мы здесь делаем. И что здесь делаю я?

Агата, всё ещё хихикая, присела на корточки и указала пальцем на замок.

— Видишь крепость с явно дурным вкусом? Там засел один мелкий, но амбициозный лорд. Решил, что он умнее всех, и начал рвать дыру в нашу реальность. Наши датчики засекали. А теперь мы пришли, чтобы оторвать ему башку и сыграть ей в футбол.

— Я больше в баскетбол, — скромно заметил я.

Мелкий начальник. Даже здесь без них никуда. Сидят по конторам, строят козни. Вселенная держится

на боссах-неудачниках.

— Без разницы, — отмахнулась она.

Из-за спины появилось странное устройство. Копьё-кошка. Наконечник блеснул хищно. Следом — щелчок затвора. Она вогнала копьё в нижний ствол пулемёта. Прицелилась в массивные ворота.

— Готовься!

Выстрел. Копьё впилося в древние доски подъёмного моста. Тишина. Секунда. БА-БАХ! Древесина — в щепки. Железные тяги порвались с мерзким скрежетом. Мост рухнул, перекрыв пропасть.

— Поехали! — Агата схватила меня за ремень, выстрелила крюком в косяк разрушенных ворот, и мы рванули вперёд на тросе, как на тарзанке.

Приземлились в кучу дымящегося мусора. Я прокашлялся, поднял голову. Нас уже ждали. Не бесы. Не летуны. Палачи. Три метра роста. Кожа — гранит. Глаза — пустые, холодные. В руках — топоры, от одного вида которых звенит в ушах, и копьё размером с телеграфный столб. Мощная броня на головах и телах.

Увидев нас, они зарычали. Действия пугали слаженностью. Первый ряд метнул копьё с такой силой, что воздух завизжал. Агата не стала блокировать. Она рванула вбок, увлекая меня за собой. Одно копьё пробило каменную стену в несколько метров и застряло там, дрожа. Второе вонзилось в землю там, где мы только что стояли, расколов её.

Я откатился за груды ящиков, пытаюсь отдышаться и не обоссаться в третий раз. Агата двигалась как призрак. Уворачивалась, прыгала, стреляла в места, не защищённые доспехами. Пули не пробивали броню, но заставляли гигантов спотыкаться и реветь от ярости.

Я попытался сделать то же самое, насмотревшись и воодушевившись. Выскочил из-за укрытия, прицелился в голову ближайшему палачу... и в этот момент мир перевернулся.

Тупой удар в бедро, будто меня сильно пнули. Невероятная сила утащила назад. Не успев ничего понять, спиной с размаху впечатался в каменную стену. Воздух вырвался из лёгких со стоном. Тело повисло, не в силах пошевелиться. Сквозь пелену боли я увидел древко копья, торчащее из бедра и вмурованное в стену. Меня пригвоздило, как бабочку. Сознание поплыло, потом отключилось совсем.

Очнулся от резкой, обжигающей боли. Интересно, как меня прожарили? Кругом лежали поверженные гиганты. Пока моё сознание «отдыхало», Агата уже со всем справилась сама. Вот жадная, не могла подождать. Стиль беспомощного психа точно бы их поразил.

Уперев ногу в стену, она двумя руками выдернула копьё. Металл со скрежетом вышел из камня и плоти. Кровь хлынула ручьём, горячая и липкая. Я закричал от боли, как трёхлетняя девочка.

— Долбаные палачи... Любят сувениры оставлять, — пробормотала она, роясь в подсумке. Достала склянку с пе-

реливающейся серебристой жидкостью.

— Что это? — прохрипел я, напоминая себе престарелую бабу, готовую отойти к создателю.

— Слеза ангела. Ещё бы немного — и твой амулет снова стал бы сиротой. А я провалила задание.

— Оставь мои вещи себе, — сказал я, теряя сознание. Ничего более великодушного не придумал.

— С удовольствием оставлю себе заляпанную кровью одежду. Смешно, — улыбнулась она краешком губ.

Она вылила содержимое на рану. Боль сменилась ледяным холодом, а затем диким жжением. Плоть стягивалась на глазах, но медленнее, чем в прошлый раз. Я уже хотел сказать спасибо, как вдруг...

Удар! Массивные дубовые ворота главной башни с грохотом вылетели из проёма и, пролетев над нашими головами, рухнули в пропасть. Удар такой силы, что мог бы смести нас в лавовый ров.

И вдруг всё стихло. Не постепенно. Сразу. Бесы перестали выть вдалеке. Даже лава внизу словно замедлилась. В Аду стало тихо на секунду.

На пороге стоял Он. Лорд-демон. Огромный, как два палача. От него исходила концентрация ненависти и силы. Воздух трещал. Руки пылали чёрным огнём. Глаза — два угля ярости.

— НИЧЕГО НЕ ТРОГАЙТЕ! Я ТРИ ДНЯ СТРОИЛ ЭТОТ РАЗЛОМ!

Агата не стала ждать. Крюк снова впился в мою супергеройскую одежду. Резкий рывок и меня сорвало с кровавого пятна, швырнуло к соседней стене. Подальше от бойни. Сейчас бы вправо влево. Я приземлился на груды щебня. Жёстко. Помятое тело болело, но дышало.

Она использовала момент. Не побежала. Стояла глядя ему в глаза до последнего. Затем взбежала вверх по стене, уходя из зоны досягаемости. Демон не успел затормозить и врезался в стену — как раз туда, где я только что висел.

В высшей точке она зависла на долю секунды. Пистолет уже в руке. Не целясь, почти интуитивно, спустила всю обойму. Освящённые пули, заряженные силой амулета, впились демону в макушку, в основание рогов, в затылок. Он замер, качнулся и рухнул замертво.

Агата грациозно приземлилась прямо на грудь поверженного исполина. Даже не взглянула. Угли в глазницах демона окончательно погасли.

Браво. Мои аплодисменты. Я полон радости в аду. Где-то там, наверху, доктор Филипс наверно ставит мне очередной диагноз: «непропорциональная реакция на реальность». А он, ублюдок, прав.

Я, всё ещё сидя на щебне, начал неуверенно хлопать. Боль в ноге адская, но я жив. Физически. Хороша чертовка!

Она спрыгнула и с цирковым поклоном направилась ко мне.

— Представление окончено. Пора домой. Пришло время

тебя со всеми познакомить. Держись.

Я почти не слышал. Внутри всё гудело — не от звуков битвы, а от ломающихся рамок.

Правило второе разбилось вдребезги. О каменный пол этого адского двора. Растоптано копытами палачей. Сожжено в пламени демонического владыки.

Реальность — это то, что видят все вокруг. А если вокруг демоны, ангелы-убийцы и женщина с пулемётом, стреляющая слезами ангелов? Какая у них общая реальность? Её нет. Есть только моя. Та, в которой меня пригвоздили к стене, а потом вылечили за три секунды. Та, в которой я стрелял в чудовищ и чувствовал, как их сила вливается в меня через этот проклятый амулет.

Мозг, годами тренированный сжиматься при виде любой аномалии, просто сдался. Трещал по швам. Психиатрическая палата... коридор... портал... ад... замок... Всё за один день. За несколько часов.

Я был шашлыком на вертеле. Игрушкой. Почти трупом. И она меня оттуда сняла. Не потому, что я нужен. Потому что так надо. Потому что я номер 56. Функциональная единица. И знаешь, Конрад? В этом есть какой-то извращённый, чёртов смысл.

Я не был нужен никому. Ни доктору Филипсу, ни санитарам, ни этому миру с восемнадцатью трещинами на потолке. А здесь... оказался нужен. Пусть расходный материал. Пусть приманка. Пусть инструмент. Но инструмент не выбрасыва-

ют. Его используют. О него вытирают ноги, ломают — но его не забывают в палате с мягкими стенами.

Меня починили.

И этот инструмент теперь будет мстить. Не безумец, бредящий о крыльях. Холодный, точный механизм. Я научусь. Стану лучшим в их арсенале. А потом направлю лезвие туда, куда нужно мне.

Агата выстрелила крюком в небо, в ещё дымящийся разлом. Портал снова разверзся, заливая багровый пейзаж синевой.

— Держись, — сказала она. Без насмешки. Без раздражения. Простая констатация. Только что я был частью операции.

На этот раз я был готов к путешествию. Или мне так казалось.

Я сделал шаг навстречу свету, оставляя за спиной не только адский замок, но и жалкое привидение, которым был всего несколько часов назад.

Глава 6

УЛЕЙ. МЕХАНИЗМ БЕЗДНЫ

Портал выплюнул нас с меньшей силой, но я всё равно приземлился с грацией мешка с картошкой. Зато не стошнило. Прогресс.

Амулет на руке успокаивающе гудел. Агата стояла, уперев руку в бедро, с видом человека, отсчитывающего секунды до конца смены.

Ну что ж, добро пожаловать в новую реальность, Конрад. Где тебя выворачивает наизнанку, но ты уже не блюешь. Наверное, это и есть рост.

Перед нами, посреди хвойного леса, высился собор. Огромный. Готический. Шпили впивались в низкое свинцовое небо. Древний, но не заброшенный: свежая реставрация, чистая плитка, аккуратные газоны. Идеальная маскировка. Для постороннего — просто исторический объект.

Для меня уже нет. Я заметил высокий забор. Камеры. Патрули — люди в форме без опознавательных знаков, с автоматами и недобрыми лицами. У входа на парковке тёмные внедорожники. Безликая служебность. Всё под контролем.

Мы поднялись по широким каменным ступеням. Агата по-деревенски постучала костяшками в массивную дубовую дверь.

Дверь приоткрылась. В щели блеснул глаз.

— Мисс Агата. Какая неожиданность. И не одна. С чем вас можно поздравить?

— С новым геморроем, Альберт. Открывай. У меня полдня на отдых осталось.

Щель стала шире. Голос смягчился, обращаясь ко мне:

— Не будьте строги к ней. Поздравляю, юноша. Вы только что выиграли в самую опасную лотерею во Вселенной. Приз, правда, сомнительный.

— Альберт, хватит. Не лезь не в своё дело.

— Как пожелаете. — Театральный вздох. — Обсудим ваше... приобретение... месяца через три. Посмотрим, останется ли у вас повод для сарказма.

Дверь распахнулась. Запах ладана и старины. Нас встретил человек в безупречном костюме. Больше дворецкий, чем охранник. Альберт с искренней улыбкой пропустил нас внутрь.

И что, никакого пароля? Просто входи? А, ну да. Они же видят её. Для них она и есть пропуск. А я... пока просто приложение.

Высокие своды. Витражи, отбрасывающие на каменные плиты разноцветные блики. Туда-сюда сновали люди в тёмных костюмах с белыми воротничками. Слишком целеустремлённые для служителей культа. Бросали на нас беглые взгляды и тут же отводили глаза.

Церковь как идеальная ширма.

Альберт изящным жестом указал в дальнюю часть собора,

за массивную резную дверь:

— Вам туда. Удачи. Постарайтесь не умереть в первую же неделю.

Агата толкнула дверь. Никакой готики. Голая бетонная стена. В неё встроен лифт из матовой стали с панелью сканера. Резкий переход от возвышенного к утилитарному.

Она приложила ладонь. Поднесла лицо к считывателю. Щелчок. Лифт открылся.

— Пойдём.

Двери закрылись. Лифт пополз вниз. Медленно. Почти бесшумно.

— И что... меня ждёт там? — спросил я.

Агата сняла с лица маску вечного раздражения. Взгляд стал серьёзным. Усталым.

— Нечто новое. Ты либо сломаешься, либо станешь другим. Третьего не дано. Хотя можешь умереть. Избавишь меня от работы няньки.

Лифт остановился. Двери разъехались.

И на нас обрушился шум. Вот он. Настоящий ад. Не тот, с демонами и лавой. Этот был гораздо хуже.

Люди. Сотни людей. Они двигались по мосткам, лестницам, переходам. Кто-то тащил ящики. Кто-то спорил у мониторов. Кто-то бежал с папками так, будто от этого зависел конец света.

Возможно, зависел.

Я застыл. Потому что впервые увидел место, где всё это

было нормой.

Воздух, густая смесь пота, перегретой электроники, металлической пыли и дешёвого дезодоранта. Запах механизма, работающего на износ. Огромный подземный комплекс. Не зал — муравейник. Город под землёй.

Улей.

Агата взяла меня за локоть и потащила через этот хаос. Я едва успевал цепляться взглядом за вывески.

«Аналитика». За стеклом десятки людей следили за картой мира. По ней ползли, словно язвы, алые и синие точки.

«Таможня». За бронированным стеклом какой-то мужик подписывал бумаги с существом, отдаленно напоминающим человека. Тени. Сгустки искажённого пространства. Люди с пустыми глазами. Я решил пока не задавать вопросов.

«Столовая». Наконец-то что то знакомое. Очередь. Запах нормальной еды. Банальность быта, вмонтированная в апокалипсис. Желудок предательски заурчал.

В стороне мелькнула ещё одна табличка. «Архив». Обычная дверь. Глухая, неприметная. Но взгляд почему-то зацепился именно за неё. Может, потому, что впервые с момента побега из психушки я оказался в месте, где могли храниться ответы.

Агата говорила там должна быть правда об отце.

Откуда-то доносились приглушённые хлопки. Стрельбище. Кто-то тренировался. Кто-то готовился к тому, через что я только что прошёл.

— Нам нужно к Марцеллу, — голос Агаты вернул меня в реальность.

Её рука направляла меня через хаос. К начальнику. К человеку, который будет решать мою судьбу дальше.

Я шагал за ней и чувствовал, как внутри закипает смесь страха и холодного любопытства. Я был внутри машины. И теперь предстояло решить: стать её винтиком или тем гвоздём, что попадёт в её шестерни.

Глава 7

КАБИНЕТ МАРЦЕЛЛА. ФУНКЦИЯ ИНСТРУМЕНТА.

Лифт, на этот раз движущийся вверх, высадил нас на одном из верхних уровней «Улья». Здесь царила иная атмосфера — не рабочий шум, а тихий, давящий шёпот власти. Мы подошли к единственной двери в конце зала, отделанной тёмным деревом. Агата, не церемонясь, постучала и, не дожидаясь ответа, толкнула массивную створку.

— Войдите, — прозвучал изнутри голос. Низкий, обтёсанный, словно древний камень.

Кабинет оказался таким же аскетичным, как и его хозяин. Ни украшений, ни ковра. Где были кожаные кресла и атрибуты богатства, которые приходилось наблюдать все эти годы в кабинете Филипса? Голые стены из полированного камня, отражавшие тусклый свет, и три стула со столом и шкафом: один у дальней стены, за которым сидел Он, и два для гостей посреди комнаты. Но всё это я заметил позже. Сначала я ощутил его взгляд.

Он был не старым. Он был древним. Его возраст читался не в морщинах, а в энергии, что исходила плотной, почти осязаемой пеленой. Тяжесть ответственности, вдавленная в самое нутро.

Я почувствовал себя рентгеновским снимком. Все мои ко-

сти, страхи, вся моя недавно обретенная ярость. Все было вывернуто наизнанку, изучено и отложено в ячейку с пометкой «Потенциально полезно».

— Долго ли мне ещё быть нянькой, сэр? — бросила Агата, оставаясь в дверях.

Марцелл перевёл на неё взгляд, и воздух потяжелел.

— Ты свободна, Агата.

— Есть, сэр.

Она развернулась и вышла, не удостоив меня прощальным взглядом. Дверь закрылась, оставив меня наедине с ним.

— Сын Барри Форты, — произнёс он. В его устах это звучало не как представление, а как констатация факта. Он указал на стул. Я молча опустился.

А что тут все такие вежливые? Хоть бы сдрасьте сказал?

— Ты понимаешь куда ты попал? — начал он издалека.

— Я стрелял в демонов и научился классно двигаться. Еще у меня теперь вот эта игрушка на руке и Агата сказала что я кому то должен.

— Ты здесь по зову амулета. По зову крови. Твой отец бесследно исчез, — начал Марцелл. Его голос был тихим, но заполнял всё пространство

— Он не был на задании. И нам так и не удалось найти ниточки, за которые нужно было дергать. Его амулет пропал, техники на время потеряли его с радаров, а когда нашли —

было уже поздно. Наше расследование началось с опозданием, когда гражданские службы уже запутали все следы.

Он сделал микроскопическую паузу, и я увидел в его глазах не горечь, а досаду инженера на сломанный инструмент.

— Я не представляю, кем надо было быть, чтобы убить твоего отца. Он был превосходным солдатом. Его эффективность была на 17.3% выше среднестатистической. Его потеря... — он почти незаметно покачал головой, — ...снизила общую эффективность довольно сильно. Потребовалось переназначить ресурсы, пересчитать квоты.

— Он был единственным человеком, который спорил со мной чаще трёх раз в неделю.

Семнадцать процентов. Эффективность. Квоты. Слова, сухие и безжизненные, как отчёт бухгалтера. Они обрушились на меня, не погасив ярость, а заковав её в лёд.

— Его убили, — выдохнул я, и голос прозвучал хрипло.

— Его деактивировали, — поправил Марцелл. В его тоне не было ни вызова, ни сочувствия. Лишь точность.

— Инструмент, вышедший из-под контроля, ломают. Это аксиома. Он попытался изменить уравнение, в которое были вписаны константы. Но, видимо, потерпел поражение. Он что-то искал, что-то узнал, шёл по следу, и его убрали. Непонятно кто, но точно не гражданские, а поэтому я делаю вывод что кто то влиятельный. Твой отец вычищал закоулки ада и разносил в прах таких тварей, которых ты даже не можешь себе представить.

— Ты — его кровь. Ты — его амулет, — продолжил Марцелл. Его взгляд снова впился в меня, вдавливая в кресло.

— Ты унаследовал его долг. И его ошибку. Моя семья веками стояла на страже. Мы те, кто держит щит между бытием и небытием.

Затем его голова наклонилась вперёд, и слова обрушились на меня тяжелым потоком

— Твоя боль ничего не значит. Твоя ярость — статистическая погрешность. Ты живой щит на стене. Твоя единственная функция держаться. Пока не истечёшь кровью. Пока не сломаешься. Пока мы не найдём тебе замену.

Ты — число. И твоя задача не изменить это число, а обеспечить, чтобы сумма всех чисел оставалась неизменной. Понял ли ты свою функцию, номер 56?

«Итак, меня свели к числу. От больного номера 56 к функциональному номеру 56. Прогресс, чёрт возьми. По крайней мере, теперь мой бред оплачивается».

В горле стоял ком ярости. Его слова о долге и системе долетали до меня как сквозь толстое стекло. Внутри бушевала буря. Он был близок. И его убили. «Деактивировали». Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Я понял, — собственный голос прозвучал чуждо и плоско. — Я инструмент.

Инструмент... Хорошо. Но молоток может ударить и по руке, что его держит. Гаечный ключ — сорвать резьбу. А старый напильник, если его затупить, годит-

ся только чтобы воткнуться кому-нибудь в глотку.

Я не уточнил, для чьих именно целей. Марцелл с интересом посмотрел на меня, затем кивнул.

— Хорошо. Тогда иди. Начинай. Пройди обряд инициации. Получи броню. Заселись в комнату. Он откинулся на спинку кресла. Аудиенция была окончена.

Я вышел, не оглядываясь. Дверь закрылась с тихим щелчком. В ушах гудело. Боль ничто. Ярость погрешность. Я число.

Число. Единица. Ноль. Неважно. Даже ноль, поставленный в нужном месте, может превратить большую цифру в пыль.

Но за этим гулом ясно звучал один-единственный приказ, данный себе самому: Архив. Мне нужно в Архив.

Глава 8

КАЛИБРОВКА. ГЕОМЕТРИИ БЕЗДУШИЯ

Дверь кабинета Марцелла закрылась с тихим щелчком — будто захлопнулась последняя дверца в моей старой жизни. Воздух Улья снова ударил в лицо: смесь пота и того особого отчаяния, что исходит от людей, вынужденных принимать невозможные решения.

Архив. Мне нужно в архив. Сейчас, пока память свежа, пока ледяная ярость не растеклась.

Но мои планы рухнули, едва успев родиться.

Прямо напротив, прислонившись к стене, меня ждал он. Мощный мужчина в серой робе, с лицом уставшего библиотекаря, которое странно контрастировало с его сложением.

Вот и встреча с человеческим фактором. Выглядит как вышибала, который запоем читает Канта. Интересная комбинация.

— Конрад, — произнёс он, и голос был на удивление мягким, почти отеческим. — Я Таурус. Отвечаю за вашу интеграцию в систему. Пойдёмте, нам многое нужно обсудить, прежде чем вы начнёте службу.

Он не спрашивал. Не предлагал. Констатировал.

По спине пробежал холодок. На что это будет похоже? Политрук? Промывка мозгов? Внутри всё сжалось в комок протеста. Но ссориться здесь и сейчас — самоубийство.

Ладно, послушаю, что скажет. Пять минут — и я в архиве.

— Хорошо, — кивнул я, стараясь, чтобы голос не дрогнул ни на ноте.

Он привёл меня в небольшую стерильную комнату без окон. Ни стола, ни кресел. Только идеально гладкий белый пол и такие же стены, излучавшие ровный, безжалостный свет. Ни теней, ни углов. Полная пустота.

Бункер для новобранцев. Что мне делать? Побегать?

— Присаживайтесь, — сказал Таурус.

Кресел не было. Я медленно опустился на холодный пол.

— Что вы знаете о Балансе? — начал он, не спеша прохаживаясь вокруг.

Ещё один вежливый. Узнал бы хоть, как здоровье, для начала.

— Что его нужно поддерживать, — хрипло ответил я.

— Распывчато. Но хоть что-то. Баланс — не благо. Это необходимое условие. Как давление в шине. Слишком мало — никуда не уедешь. Слишком много — шину разорвёт. Наша работа — качать шину или стравливать давление. Иногда через дырку в боковине. Такая формулировка вам понятна?

Зачем он мне всё это рассказывает? Я даже штаны поменять не успел. Дал бы хоть отдышаться.

— И сейчас, Конрад, плавно начнём входить в курс дела. Надеюсь, вы сможете поспевать за моими мыслями.

Надейся. Я даже за психами не успевал.

Он достал планшет и взмахнул рукой. Из пола выехал фу-

туристичный стол. В воздухе материализовались две голографические фигуры. Двое мужчин.

— Итак, начнём. Слева — заурядный добряк. Справа — солдат-контрактник. Первого зовут Виктор. Кормит бездомных котят. Второго — Лев. На его счету пятьдесят три убийства. Ваша задача — за короткое время решить, кому жить дальше, а кому умереть. Оружие в ваших руках. Решайте!

— А что мне делать? Я никогда ничего не решал раньше. В школе мне даже уравнения не давались.

— Решайте, Конрад.

Внутри проступила боль. Страх взялся из ниоткуда. Он давил, и я начал паниковать. Но собрался. Выстрелил в солдата.

Голограмма разлетелась на мелкие пиксели.

— Льва. Убийцу, — выдохнул я. Эмоционально. Предсказуемо.

— Неправильно, — голос Тауруса остался спокойным.

Он щёлкнул пальцами. Голограммы ожили, превратившись в линии судьбы. Линия добряка рванула вверх — он стал маньяком. Линия солдата пошла вниз — он основал благотворительный фонд.

— Вы не знали. Вам и не нужно знать. Вы должны были воздержаться. Мы не судьи. Мы хирурги реальности. Вырезаем патологии, не спрашивая, как клетка стала раковой. Но вам сказали стрелять — вы выстрелили. Умение выполнять приказ — полезный навык.

Стало как-то не по себе. Итак, мораль сдохла. Добро пожаловать в место, где единственный грех — решать.

— Урок второй. Поговорим о природе.

Новая голограмма. Волк готовился напасть на кроликов.

— Остановите кровопролитие.

Помня первый урок, я выстрелил в волка.

— Я... я спас их.

— Вы убили их, — поправил Таурус.

Он развернул голограмму во времени. Исчезновение волка привело к взрывному росту популяции кроликов. Голод. Истощение ресурсов. Вымирание.

— Вы видели акт жестокости. Вы не увидели функцию. Волк был регулятором. Правильный выбор — пристрелить двух крольчат. Жестоко? Да. Эффективно? Безусловно. Даже гуманно.

Меня стало тошнить от этой стерильной, бездушной логики.

— Урок третий. Искушение.

— Эй. Подождите хоть минутку. Я еще предыдущие не усвоил.

— Урок третий. Искушение. Урок третий. Искушение.

— Я понял. В дороге никто кормить не обещал. Ладно. Искушение.

Пространство перелилось, и передо мной предстал Ангел. Сияющее существо в белых одеждах, от которого исходили покой и чистота.

«Сын Барри Форты, — его голос был подобен музыке. — Я вижу твою боль. Она праведна. Приди к нам. Мы дадим тебе силу отомстить. Вместе мы очистим эту реальность от скверны. Обрети правду».

Сердце заколотилось. Вот оно. Сила с именем и благородной целью.

— Коэффициент искушения — девять и девять, — сухо констатировал Таурус. — Самое опасное — следовать своим тайным желаниям. Прими его предложение. Если сможешь совладать с этим.

— Да! — вырвалось у меня. — Я с вами!

Сияние ангела не померкло, но его улыбка стала мраморной.

— Отлично. Первое задание: уничтожь всех на базе Ордена. Они пособники Зла. Начни с той женщины-оперативника, что привела тебя сюда.

Ледяная волна прокатилась по мне. Убить Агату?

Я смотрел на сияющее существо, говорившее теми же категориями, что и Марцелл. Только слова были другими: не «функциональная единица», а «пособник Зла». Не «деактивация», а «очищение». Суть — одна. Холодный расчёт.

Ну конечно. Рай оказался тем же дерьмом, что и Ад, только здесь пахнет ладаном вместо серы.

— Я надеюсь, вы уяснили, что может скрываться в приличных намерениях?

Кого ты спрашиваешь? Я уже давно отключился от уви-

денного.

— Урок четвёртый. Самоидентификация.

Сцена сменилась. Я увидел... себя. Другого. Измождённого, с искажённым безумием лицом, с почерневшим амулетом. Этот Конрад стоял на груде развалин, и вокруг него полыхал жилой квартал. Он убивал людей, обвиняя в своих бедах весь мир.

— Анализ твоего профиля, — голос Тауруса вернул меня в белый зал. — Вероятность такого исхода — тридцать восемь и семь десятых процента. Достаточно для превентивной нейтрализации. Уничтожь эту версию себя.

Меня затрясло. Увидеть в себе этого монстра. Эта ярость была моей.

— НЕТ! — закричал я.

— Время вышло, — безжалостно констатировал Таурус. — Пока ты решал, твоё второе «я» уничтожило ещё один сектор. Ты снова облажался.

Во мне что-то окончательно сломалось. Я рухнул на холодный пол, схватившись за голову.

Ничего не понимаю... Ничего...

— Ты должен, — его голос прозвучал прямо надо мной. — Твой отец смог.

Я замолчал. Во рту появился вкус желчи и поражения.

Я понял. В этом мире не нужно понимание. Нужно действие. Боль — это компас. Ярость — топливо.

— Думаю, для первого дня достаточно, — тихо прозвуча-

ло в тишине.

Свет погас.

Я сидел в темноте, пустой и разбитый. Понимание приходило медленно. Но где-то в глубине ковалось новое. Не герой. Инструмент.

Когда Таурус ушёл, я поднялся. Движения были механическими.

Так вот каковы правила. Не играй в Бога. Играй в палача. Или стань жертвой. Выбор небогатый.

Шум операционного зала обрушился на меня, но теперь он казался приглушённым. Эти люди — «хирурги реальности». Они принимали решения, которые раньше я назвал бы преступлениями. И делали это не потому, что были монстрами. А потому, что иначе всё рухнет.

И в этот момент я понял, к кому мне нужно идти.

К Агате.

Это было иррационально. Знаю, что достал её своей неопытностью, своими вопросами. Но сейчас мне нужен был не наставник. Мне нужен был свидетель. Кто-то, кто видел меня с самого начала. В её раздражении было больше человечности, чем в спокойной эффективности Марцелла или Тауруса.

Я нашёл её на стрельбище. Она одиноко стояла в отдалении, методично отправляя пулю за пулей в голографического демона.

— Если ты пришёл пожаловаться, что дяди обидели, —

бросила она, не оборачиваясь, — иди к доктору. У неё есть стерильные салфетки. Можешь поплакать.

— Они сломали что-то внутри, — выдохнул я. — Я думал, мы будем говорить о тактике. А они... заставили выбирать, кого из невинных принести в жертву. И показали, что любой выбор — катастрофа.

Агата опустила пистолет. Когда она повернулась, в её глазах читалось усталое понимание.

— Первый раз всегда самый тяжёлый. Добро пожаловать в операционную. Здесь не ищут правых и виноватых. Здесь удаляют причину, чтобы организм не умер.

— Как ты с этим живёшь? — спросил я. — Как ты дышишь, зная, что любое твоё решение кого-то убьёт?

Она тяжело вздохнула.

— По-разному. Иногда не живёшь, а просто функционируешь. Я не принимаю решений, Конрад. Лишь исполняю, без лишних вопросов. А иногда... — она снова разнесла голову демона, — ...ты просто перестаёшь думать. Потому что думать — значит сойти с ума.

— Мой отец... Он с этим справлялся?

Агата замерла.

— Из того, что я слышала, Барри... не просто справлялся. Он пытался найти в этом смысл. Искал там, где другие предпочитали не смотреть. — Она посмотрела на меня прямо. — Это его и сгубило, и сделало одним из лучших. Если хочешь идти этим путём, начни не с архива. Начни с этого. Мёртвые

правдоискатели бесполезны.

Она вставила пистолет в кобуру, кивнула — короткий, почти незаметный жест — и ушла.

Я смотрел вслед. Пустота внутри никуда не делась. Но теперь в ней была точка опоры. Ответов больше не прибавилось. Но она дала понять, что я не один. Что задавать вопросы — смертельно опасная привилегия, которую нужно заслужить умением выживать.

Я повернулся к стойке с оружием. Взял пистолет. Вложил магазин. Поймал мушку на мишени.

И начал учиться попадать. С первого раза. Потому что второго могло и не быть.

Глава 9

ЭКСКУРСИЯ

Стрельба продолжалась, пока мышцы не заныли, а в ушах не поселился непрерывный звон. Каждое попадание в голографическую плоть отзывалось внутри странным чувством, будто что-то затягивалось. Каменело. Здесь понимали только один язык. Язык эффективности.

Наконец я вытащил из кармана смятый маршрутный лист, выпрошенный у Марцелла. Главный пункт сознательно отодвинул на потом. Архив.

Страх найти лишь сухие строчки, которые похоронят последнюю надежду. Или, что хуже, найти всё сразу. Не отпускал.

Первой точкой значилась оружейная. Я побрёл через центральный зал Улья, стараясь не хромать на ноющую ногу. Ловил на себе оценивающие взгляды. Вид и впрямь был диковинный: новичок в разорванной робе в крови, с лицом побитого пса и глазами, где плескалась дикая смесь ярости и опустошения.

Массивная стальная дверь в оружейную скрывала за собой царство запахов: оружейное масло, металл, старое дерево. За стойкой стоял мужчина с лицом старого боксёра и руками в шрамах. Бирка на груди гласила: «Рурк. Оружейник».

Увидев меня, он фыркнул. Лицо расплылось в ухмылке.

— А, вот и наш новичок! Не думал, что в больничном халате на задание рванёшь, демонов своим видом пугать. Стильно. Идеальный рисунок из дырок и крови. Как это у вас, молодых, называется? Стиль?

Ещё один юморист.

В ответ я лишь хмыкнул, едва шевельнув уголком рта.

— Ладно, пацан, заходи, шучу. — Тон сменился на деловой. — Рост, размер... Ты худющий. Надо паёк усиленный выписать надо, а то первым же порывом ветра в Аду унесёт.

— Я на больничной диете долго сидел. Следил за здоровьем. Усиленно.

— Больной, что ли?

— Больной? Нет. Ограниченно здоровый. Так в документах красивее смотрится.

Рурк скрылся на складе и вскоре вернулся, нагруженный тюками. Принес настоящий подарок для солдата Апокалипсиса. Мыло, полотенце, туалетные принадлежности. Два ключа — от комнаты и оружейного шкафчика. Два комплекта гражданской одежды: тёмные джинсы, простые футболки, худи. Одежда призрака.

— Броню завтра заберёшь, — бросил он. — Подгоним. С твоей-то уникальной фигурой — тощий нестандарт.

— Это всё мне? Я привык к более строгой одежде. К одной одежде. Всего.

Рурк комментировать не стал. Просто пошёл за оружием. На стол лёг чистый и ухоженный «Серафим». Рядом —

«Хор», тот самый брусок-пулемёт Агаты. Спустя несколько минут калибровки оружия с амулетом тот отозвался лёгким, тревожным морганием.

— «Хор» не стреляет, — пояснил Рурк. — Он поёт. И когда начинает, все остальные звуки смолкают. Уважай его.

Следом — «Пожинатель», массивный дробовик, и «Молот», переносной гранатомёт. Последним штрихом стала новая перчатка-браслет для амулета. Старая пахла больницей и страхом. Новая кожей, сталью и надеждой.

Пальцы сами легли на холодный металл.

— Это всё моё?

Внутри что-то радостно завизжало.

Новый год. Только вместо конструктора мне подарили средства массового уничтожения.

— А когда можно будет пошмалять?

— По необходимости, шмалятель.

Я поймал себя на том, что уже минуту глажу приклад дробовика. Столько игрушек. От больничного халата к тактическому бронежилету. Теперь я уродлив и опасен. Еще и кормить будут. Усиленно.

Рурк облокотился на стойку.

— Ну что, счастлив? Если что, я всегда тут. Ты же сын Барри, да? Пятьдесят шестой.

Я молча кивнул. — Да.

— Хреново.

— Спасибо за поддержку.

— Не в этом смысле. Теперь все будут сравнивать тебя с ним. — Затем последовала неловкая пауза. — Хороший мужик был. Виски пил только с колой. И в покере ему жутко везло. Пять сотен с меня снял, сволочь. Но чувствую, моя взяла бы в следующий раз... — Ещё одна пауза. — Если честно, парень... мы все гадали, кто его убрал. Батя твой был крепким орешком. Мы все в этом деле копались, пока сам Марцелл не намекнул, что пора бы перестать. Тела даже не видели. Судя по лицу, тебе уже что-то рассказали?

Я кивнул. Комок застрял в горле.

— Пока все двери закрыты значит. Но если что узнаешь... — Прямой взгляд говорил о многом. — ...дай знать, ладно? — Спасибо, — выдохнул я.

И это «спасибо» было не за оружие. За несколько слов об отце.

Следующей остановкой стала собственная комната. Закрывшись изнутри, я наконец смог выдохнуть. Прислонился спиной к холодной двери и закрыл глаза. Тишина. Впервые за долгие часы абсолютная, оглушительная тишина.

Но тишина оказалась обманчивой. Стоило остановиться, как в голову полезло всё сразу: отец, архив, Марцелл, проклятый номер пятьдесят шесть. Пришлось взяться за работу. Я начал таскать, как хомяк, раскладывая вещи по полкам. Бессмысленный процесс становился спасительным ритуалом.

Затем был душ. Горячая вода смыла с кожи остатки боль-

ничной вони, адской грязи и крови. Стоя под почти обжигающими струями и глядя, как коричневатая вода уходит в слив, можно было ощутить, как с кожи смывается Конрад из больницы. Оставался номер 56.

Чистая одежда пахла прачечной и антисептиком. Человеком она меня не делала. Зато отлично подходила номеру. Взгляд упал на маршрутный лист. Оставался медпункт. А потом... архив. Тянуть дольше уже было нельзя.

Медотсек встретил стерильным холодом и запахом здоровья. За стойкой стояла женщина в белом халате. Главный доктор Марта.

— А, Форт-младший, — произнесла она. — Меня предупредили. Ну, беспокоит что-то, кроме расстройства личности? Голоса в голове?

Вы все тут с одного конвейера сошли. Курсы чёрного юмора для персонала обязательны к посещению.

— А если серьезно. Жалобы есть?

— Только нога.

— Для первого дня результат неплохой. Даже ничего не оторвало.

— День ещё не закончился. Я в себя верю.

Осмотр был быстрым.

— Следы легкого inferнального заражения. Пройдем в кабинет квантовой санации.

Капсула напоминала аппарат МРТ. Я лёг внутрь, и створки сомкнулись. Свет погас, пространство заполнило мягкое

гудение. По телу разлилась волна прохлады, сменившаяся глубоким, пронизывающим теплом. Ощущение было сродни перезаписи.

Когда крышка открылась, я чувствовал себя так, будто проспал неделю.

— Ну что, полегчало? — спросила Марта.

— Да. — А как... как такое вообще возможно?

— Ангельские технологии. Не спрашивай, как работают шестерёнки в божественных часах. Мы сами не до конца понимаем.

— Круто. То есть... меня вообще нельзя убить?

Хмыкнув, она ответила:

— Убить здесь могут кого угодно. Мы ремонтпригодные. Но если останется мокрое место... нет. Не волнуйся, твой шанс умереть окончательно всё ещё высок.

Отлично. Значит, можно серьёзно покалечиться. Буду экспериментировать.

Вручив маленький футляр, она пояснила:

— На, пять капсул. «Слёзы ангела». Не потеряй.

— Спасибо.

До ужина оставался час. Время поджимало. Пора было в архив.

Архив «Улья» оказался стерильным залом-мавзолеем, уходящим в темноту. Светились только синие индикаторы на бесконечных серверных стойках, отбрасывая мертвое сияние. Воздух был сухим и вымороженным.

За пультом у входа сидел мужчина в идеально отглаженной форме. Пухлый грузный мужчина в очках, Касим Архивариус. Его лицо оставалось непроницаемым.

Я подошел к нему тихонько, чтобы не разбудить. Внутри меня все сжималось. Я действовал осторожно. Так долго ждал этого момента. Тихонько постучал по столу, чтобы привлечь его внимание.

— Здравствуйте. Можно мне посмотреть одно дело. Подскажите, где мне его найти? Мне нужно дело Барри Форта.

— Ты кто такой вообще. Я тебя здесь раньше не видел. Пошел... Ой нет, нельзя. Допуск к архиву только для оперативников и персонала с допуском. Выйдите пожалуйста. Дверь можете не закрывать.

— Я оперативник. Просто новенький. Номер 56. Конрад Форт.

— Все равно нельзя. Не видишь, я важно делаю важные вещи.

Он пристально посмотрел мне в глаза. Демонстративно медленно взял термос с чаем, открыл крышку, медленно, а затем, глядя мне прямо в глаза, налил тоненькой струйкой в чашку.

— Видишь, я очень занят.

Ах ты крыса тыловая.

— Я вообще-то день назад вышел из психушки, и мне только что выдали полный арсенал. Думаете, за что меня закрыли?

Внутри всё сжалось.

— Материалы по делу моего отца. Барри Форт. Всё, что есть. Пожалуйста.

— Ладно, сегодня ты победил.

Беззвучно повернувшись к монитору, Касим застучал по клавиатуре.

— Запрос обработан. Деактивированный оперативник Барри Форт, номер 56.

Скользнув вглубь, он распечатал несколько листов.

— Вот.

В тонкой папке лежало три листа.

Первый лист личное дело. Сухие строчки. Ни единого упоминания о расследовании.

Второй была распечатка из базы полиции. ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ.

Третий лист заставил меня замереть.

На фотографии был я. Сегодняшний снимок. У лифта. Под ним всего две строчки: АКТИВИРОВАН. НАБЛЮДЕНИЕ.

Взгляд поднялся на архивариуса.

— Это всё? — голос прозвучал хрипло. — Где детали? Фотографии? Хоть что-то?

— Это... вся информация в системе? — его голос дал первую трещину. — Странно. Они не могут быть просто... удалены.

— Может, изъяли?

Касим покачал головой.

— Нет. Любое изъятие оставляет след. Здесь... ничего. Пустота. — Сняв очки, он протёр линзы. — Проверил еще несколько раз. Затем выдал: это... технически невозможно.

Вновь надев очки, он продолжил:

— Это невозможно.

— Что невозможно?

— Удаление такого уровня. Таких аномалий... не бывает. Я первый раз с таким встречаюсь, необходимо будет всё ещё раз проверить. Зайди попозже?

Было похоже, что кто-то вычистил все следы. Просто удалил всё подчистую. Стер моего отца. И теперь может сделать это со мной. Очень воодушевляющее открытие в первый день службы.

Касим больше не смотрел на меня. Он снова и снова открывал одни и те же папки. Хмурился. Снимал очки. Надевал обратно. Если он играл, то слишком уж старательно.

Но доверять ему я не мог. И верить ему я тоже не мог. А проявлять агрессию сейчас было бы верным билетом в могилу.

Выдержав паузу, архивариус снова заговорил, проверяя одну за другой папки, пытаясь найти какие-нибудь следы. Видимо, его это тоже задело. Или он был хорошим актером.

Ничего не отыскав, пришлось уйти. Где-то здесь была дыра. Прореха в реальности. Чтобы найти того, кто стирает прошлое, предстояло самому стать в этой системе призра-

КОМ.

19:00. Пора поесть. Дверь в столовую отворилась, выпустив волну запаха еды. Я пытался оставаться невидимкой, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но покой нарушился довольно быстро. По дороге. Первая рука легла на плечо. Тяжёлая.

— Новенький, — прозвучал хриплый голос. — Держись. Знал твоего старика. Мы тебе поможем.

Не успев понять, что происходит, можно было ощутить следующее рукопожатие, уже от парня со шрамом.

— Номер 56, да? Агата говорила, ты в аду выжил. С боевым крещением.

Третий. Четвёртый. Пятый.

Каждое прикосновение было вторжением. Каждый хлопок по плечу отзывался неприятными ощущениями в теле, доходящими до костей. Но в этом не было лжи. Это было похоже на признание.

И с каждым касанием, с каждым взглядом, где читалась такая же уставшая ярость, внутри что-то оттаивало. Улыбка не появлялась. Но внутри... впервые за долгие годы не ощущалась пустота.

Столовая оказалась просторной и футуристичной. Воздух пах кофе и специями. Шведский стол ломился от еды. Взяв поднос, можно было получить стейк, спаржу, салат. И среди изысканных десертов знакомый квадратный пудинг. Тот самый. Который у меня всегда отбирали.

Рука сама потянулась к нему. Дрожащий кубик оказался на подносе. Никто не прокомментировал. В этом антисептическом раю появилось что-то абсолютно своё. Маленький, липкий, бесполезный и до боли знакомый кусочек прошлого.

Найдя столик у стены, можно было съесть всё самому. Казалось такое простое действие. Я то и дело озирался и вздрагивал. Подсознание помнило резкие удары по металлической двери. Резкий вывод на прогулку. Я все еще боялся что отберут. Но вот я закончил. Отнес поднос и на секунду почувствовал покой.

Итак, я в раю для солдат. Кормят хорошо, патронов дают вдоволь, а на десерт — кусочек детства. Жаль, что за всё это придётся платить чьей-то кровью. Вероятно, моей.

Ощущение чуждости не исчезло. Но внутри теперь таилась крошечная, липкая тайна. Свой пудинг. И глядя на этих людей, рождалось смутное чувство братства. Молчаливое понимание, что под униформой у каждого может скрываться свой собственный, никем не украденный пудинг.

Оставалось направиться в свою комнату. Дверь заперта. Я вновь прислонился к холодной поверхности. Тишина. Но теперь она была иной. Наполненной отзвуками дня.

И тогда это случилось. По щекам покатались слёзы. Тихие, молчаливые. Сдерживать их не было сил. Никто ничего не отобрал. Сегодняшний день вывернул жизнь наизнанку. Мозги промыли правдой. Жестокой, уродливой но все

же правдой. Стало известно, что отца убили, а правду о его смерти стёрли. И самое главное... Приняли. Не как пациента. Как своего. Чувство одиночества начало потихоньку отступать.

В этой стерильной камере больше не чувствовалось клетки. Теперь это была стартовая линия. Я смахнул слёзы тыльной стороной ладони. Глубокий, ровный вдох наполнил лёгкие воздухом цели.

Внутренняя пустота ненадолго отступила. Ярость обрела фокус. А вместе с ней пришло странное чувство принадлежности. Подойдя к узкому окну, можно было увидеть своё отражение. Измождённое, но с твёрдым, стальным блеском в глазах, который уже ничто не могло потушить. Завтра начнется работа. Но сегодня... сегодня можно было просто постоять и подышать. В одиночестве, но больше не одиноким. Спокойной ночи, отец. Я в игре.

Глава 10

ДОБРОЕ УТРО. ПОРА В ПУСТОТУ

Ночь оказалась сборной солянкой из десятка обрывков, пронизанных адреналином, болью и навязчивым нытьем серверов «Улья». Я то и дело проваливался в забытьё, и меня тут же вышвыривало оттуда — воспоминанием о ледяном дуле у виска или хрусте собственных рёбер о камни адского замка. Сон превратился в полигон, где сражались больница и тени демонов.

Даже во снах мозг умудряется устроить совещание с повесткой «Как окончательно добить Конрада».

Я проснулся от резкого стука в дверь. Голос из коридора был холодным, лишённым интонаций. Здесь, видимо, было так принято:

— Подъём. Пять минут. Спортзал.

Сознание, затуманенное остатками кошмаров, отказывалось складывать слова в смыслы. Спортзал? Тело помнило вчерашние раны, пусть и залатанные квантовой санацией.

Я сгрёб с лица мокрые от пота волосы и, не включая свет, на ощупь натянул спортивную форму. Умылся ледяной водой, пытаясь смыть липкую паутину сна.

На пороге, прислонившись к косяку, уже ждала Агата. В её взгляде не было ни усталости, ни сочувствия — лишь привычная, отточенная собранность.

— Проспался, принцесса? — бросила она, разворачиваясь. — Поехали. Здесь ценят пунктуальных.

Принцесса. В моей сказке её запирают в психушке, а потом заставляют бегать с пулемётом.

Пустые коридоры отзывались эхом шагов. Амулет на запястье вибрировал в такт быстрому ритму и давал силу. Постепенно я начинал с ним синхронизироваться. Спортзал «Улья» оказался не местом для фитнеса, а полигоном для бойцов. Голые стены, резиновые маты, груды покрышек, канаты до пола и полоса препятствий, напоминавшая штурмовую дистанцию.

Там уже собралось человек сорок. Десятки взглядов — мощных, быстрых, оценивающих. Никакого дружелюбия, только холодный профессиональный интерес. Новый инструмент проверяли на брак.

Тренер с телосложением гориллы и каменным лицом обвёл всех взглядом.

— Разминка. Десять кругов. Потом груши. Потом полоса.

Первые два круга я держался. Пытался, упирался, боролся с годами в больнице. Но уже на третьем лёгкие начали гореть. Воздух царапал горло наждачной бумагой.

Один из бойцов легко обошёл меня на повороте.

— Не спи, новичок, — бросил он на бегу.

Я попытался ускориться. Зря пытался. Ноги налились свинцом. Каменели. Мир качнулся.

На секунду мне показалось, что впереди не беговая до-

рожка, а длинный коридор больницы. Белый. Бесконечный. Такой же, по которому меня водили на процедуры. Я моргнул. Коридор быстро исчез а спортзал остался. Стоило амuletу нагреться на запястье, как тело будто вспомнило, что такое движение. Словно кто-то подталкивал меня изнутри. Не давал остановиться. Я бился до последнего. Все равно пришёл последним. Но пришёл.

Тренировка выжимала все силы. Игрушка на запястье придавала сил, но не могла вдохнуть выносливость в лёгкие, не учила мышцы работать с идеальной эффективностью. Но вокруг все двигались с той же пугающей, машинальной точностью, что и Агата. Я слепо повторял движения, чувствуя себя беспомощной куклой на фоне отлаженных механизмов. Сдаться значило стать изгоем, слабым звеном. А слабые звенья здесь, наверно, не задерживались.

Свисток тренера прозвучал неожиданно громко. Я вздрогнул сильнее, чем следовало. На долю секунды показалось, что сейчас снова откроется дверь палаты и опять зайдут эти два уroda. И будут колоть. Пичкать таблетками. Опять боль, уже выученная.

Вместо этого бойцы просто разошлись к раздевалкам. Странно, как быстро мозг привыкает ждать худшего.

Час адских усилий закончился так же внезапно, как начался. Я стоял, уперев руки в колени, пытаюсь не рухнуть. На душ, завтрак и инструктаж у Тауруса оставалось тридцать минут. Какая роскошь.

Утренний брифинг проходил в том же стерильном белом зале, где вчера распинали мою уверенность в собственном разуме. Таурус стоял перед шеренгой из бойцов. Было приятно и одновременно неуютно стоять среди них. Его голос был ровным и неумолимым. И когда толпа замолчала, начал свой ежедневный брифинг.

— Кодекс — не набор правил. Это инструкция по выживанию мироздания. Твоя воля должна быть крепче стали, ибо ею ты держишь мир от распада.

Пока было трудно представить, как я держу мир от распада.

Затем, оглядев всех, он прошёлся перед строем, взгляд буравил каждого.

— Пункт первый. Твой долг — Кодекс. Он выше страхов, жалости, любви и ненависти. Единственная истина в мире, где все истины относительны.

— Пункт второй. Сомнение — твой единственный враг. Уверуй в Кодекс, как слепой верит в посох. Он твой проводник в крошечной тьме обязанностей.

— Пункт третий. Даже если приказ Совета отзывается в душе адской болью — исполни его. Ибо они видят картину целиком, а ты лишь линия на ней. Запомните: ваша истина — это Баланс, а не убогая мораль смертных.

Как сделать так, чтобы люди не просто убивали, а делали это с чувством глубокого морального удовлетворения? Тот, кто это придумал, — гений.

Затем началась разрядка. Десять оперативников оставались в «Улье» для локальных всплесков. Остальных, включая меня, распределили по парам для работы с астральными и демоническими угрозами.

— Форт, — произнёс Таурус, и сердце на мгновение замерло.

— Закреплён за Агатой. Задание класса «С». Лёгкая разминка, постарайтесь не подвести.

Услышав, что нас упомянули вместе, я машинально кивнул, чувствуя странное облегчение. Быть с ней было безопаснее. Да и долг ещё не был возвращён.

— Вступление в Орден требует присяги, — добавил Таурус, глядя прямо на меня.

— Но сначала Совет должен увидеть, на что ты способен. Считай это вступительным экзаменом.

Затем нам вручили планшет с данными. Вызов в частный дом в глуши. Симптомы похожи на полтергейст: необъяснимые шумы, манипуляции с предметами. Странное поведение одного из членов семьи. Местный священник пытался освятить дом, но это лишь усилило активность. Ситуация стабильная, но стремительно ухудшается. Типичный случай низкоуровневого вселения.

После брифинга Агата коротко бросила:

— Надень гражданскую одежду, затем к Рурку за расходниками. Через тридцать минут встречаемся у выхода.

Вернувшись в комнату, я скинул пропотевшую форму и

натянул безликие джинсы с тёмной курткой. В этом образе я становился никем. Тенью.

Рурк, как всегда, встретил у стойки с ухмылкой.

— Ну что, первый выход в потусторонний мир? — окинул насмешливым взглядом. — погоди, подберу памперсы по размеру, а то мало ли что... от страха случится.

Услышав это, я привычно хмыкнул, привыкая к его «гостеприимству».

— Ладно, не кисни, — махнул рукой, начиная складывать в тактический рюкзак странный набор. — Держи. Стандартный набор юного экзорциста.

Мне выдали:

— Распятие из чёрного металла, холодное на ощупь.

— Стекланные ампулы с мутной, серебристой жидкостью — «освящённая вода», но явно не из церковной купели.

— И... потрёпанную Библию. Не ту, что в церквях. Её страницы были испещрены рукописными пометками на мёртвых языках и схемами, которые я не понимал.

— Зачем всё это? — не удержался от вопроса.

— Просто чтобы было. Наверно, пригодится. Агата объяснит. Не теряй ничего. Это пока стоит дороже твоей жизни.

Надев походный рюкзак на плечо, довольный, я направился к лифту. Путь через собор-прикрытие казался уже почти привычным. Альберт с той же театральной почтительностью пропустил, пожелав «увлекательной прогулки с призраками».

Выйдя во двор, я увидел у обочины невзрачный тёмный внедорожник. Агата уже сидела за рулём, что-то проверяла на планшете. Увидев меня, просто кивнула на пассажирскую дверь.

Сев и бросив рюкзак на заднее сиденье, я захлопнул дверь с глухим, герметичным стуком.

— Готов? — бросила она, не глядя, и тронула с места.

— Вроде того.

— Отлично. Тогда начнём твой второй рабочий день. Расслабься, не умрёшь. Скорее всего.

Скорее всего. Самое тёплое и душевное, что я слышал с момента прибытия. Почти признание в любви.

Машина выехала за ворота, оставив позади готический фасад собора и уютный хаос «Улья». Я смотрел на дорогу, уходящую в зеленую даль. Где-то впереди был старый дом. Проклятый и ужасный. Где-то впереди был очередной монстр. А где-то впереди скрывался человек, сумевший стереть моего отца из истории. Первый шаг в долгой охоте начинался с выманивания крысы из-под плинтуса. И почему-то я был уверен, что эта крыса ждёт нас не меньше, чем мы её.

Глава 11

РАЗГОВОР

Выехав за ворота и оставив позади показную идиллию собора, Агата с облегчением выдохнула. Сбросила с плеч каменную мантию официальности. Свернула на пустынное загородное шоссе, и лишь теперь плечи чуть расслабились. Ненадолго, но зато честно.

— Ехать часов шесть, — сказала она, не глядя на меня. — Так что давай, задавай свои вопросы. Я так понимаю, их скопилось с избытком.

По стеклу лениво прошлись дворники. Агата переключила передачу. На приборной панели вспыхнул жёлтый значок омывающей жидкости, но она даже не взглянула на него.

Вопросы. Да у меня их как тараканов в больничном матрасе. Только ответу на один — сразу десять новых выползает.

Это был шанс расставить точки над *i* в хаосе последних дней.

— Что вообще здесь творится? — начал я, глядя на мелькающие за окном сосны. — И почему... почему мы это делаем? Этот «Баланс». Это же не про добро и зло, да?

Короткая пауза.

— Добро и зло оставь проповедникам. Наш мир, Конрад, — это агонизирующий пациент на операционном столе. А

мы хирурги с острым скальпелем в руках. Наша задача не вылечить его. Главное — не дать умереть. Любой ценой.

— Но кто оперирует? Ангелы? Демоны?

— Все и никто. Мироздание — это здание. Рай — стерильный чердак. Ад — подвал, где кишат паразиты.

— А амулеты... их всего двести. Создали при создании Совета, новые сделать нельзя. До твоего появления было всего семьдесят пять активных. Представь, какой груз ответственности лежит на наших плечах.

Я машинально тронул браслет на запястье и заметил, что пальцы дрожат.

Тяжёлый взгляд скользнул в мою сторону.

— Понимаешь? Семьдесят пять. На весь мир. На все угрозы. Каждый оперативник на счету. Ты не представляешь, насколько ценен. К моему глубокому сожалению.

От её слов стало одновременно жутко и важно. Я был стратегическим ресурсом.

— А мой отец? — спросил я. — Как он смог создать семью? Если всё время нужно быть в «Улье»...

— Есть правило. Тридцать лет службы. Если дожил, не сошёл с ума и не предал — становишься «Доверенным». Тебе позволено покинуть «Улей». Создать семью. Завести детей. Чтобы передать амулет. Чтобы не прервалась цепь. Твой отец... как раз прошёл этот рубеж. — В её голосе прозвучала несвойственная нота сожаления. — Он заслужил покой. Но не получил.

**Тридцать лет. Три десятилетия в этом цирке уро-
дов, чтобы получить право на пару лет нормальной
жизни перед тем, как отправить своего ребёнка на ту
же бойню. Какая ирония.**

Мы ехали молча, я переваривал услышанное. Столько лет
в аду за право на кусочек нормальной жизни.

— А где... твои прошлые напарники? — осторожно спро-
сил я.

Пальцы чуть сильнее сжали руль. Было видно, что я за-
дел не самую приятную деталь биографии. Сворачивать бы-
ло поздно.

Агата выключила радио. Медленно убрала звук навига-
тора. Затем долго смотрела в зеркало заднего вида.

— Первым был Марс. Проработали три года. Был моло-
дой. Горячий. Слишком уверенный в себе. Однажды не удо-
сужился увернуться от огненного шара ифрита. Сгорел за
секунду. Амулет не успел спасти. — Голос был ровным, кли-
ническим, но я чувствовал бурю за этим спокойствием. —
Его амулет деактивирован. Лежит в хранилище. Он не успел
оставить наследников. Наши инженеры ищут дальних род-
ственников, чтобы воскресить силу амулета, но код крови не
переписать.

**Молодой и горячий. Похоже, плохая комбинация в
нашем деле. Здесь нужно быть старым и холодным,
как труп в морге. По крайней мере, тогда есть шанс,
что тебя не спялят в первый же день.**

— А были ещё? — мой рот не унимался, задавая самые неудобные вопросы.

— Второй... — губы искривились в безрадостной гримасе. — Неллус. Его падение стало самым чёрным днём в истории АДК. Не случайность. Спланированная диверсия. Демон, годами точивший его изнутри, овладел мыслями. В итоге он не закрыл разлом... а открыл его с той стороны. Осознанно. Выпустил пару сотен высших демонов в сосуды — солдат, наёмников, фанатиков, заранее подготовленных. Это была спланированная операция высших демонов, а Неллус стал лишь сосудом, не способным к сопротивлению.

Она замолчала, глядя в пустоту.

— В итоге мы получили армию заражённых профессионалов в тылу. Предатель. Ценой его измены — десять наших оперативников и вырезанная половина гражданского персонала в «Улье». Резня. Эту тварь убили. Его кровь прокляли. Душу вышвырнули в Астрал, где она медленно превращается в бесформенное чудовище. Этот день помним мы все. Весь АДК считает его самым чёрным днём в истории нашего ордена.

Некоторое время слышен был только шелест шин по асфальту. Навстречу пронёсся грузовик. Агата вдруг пропустила съезд, выругалась сквозь зубы и резко вернула машину в полосу. В салоне повисла гнетущая тишина. За циничной броней скрывался груз потерь и предательства.

Вот так всегда. Один сгорает по дурацки, другой

продаётся за обещание. А мы продолжаем тащить это ведро с дерьмом в гору, зная, что оно протекает.

Выждав паузу, я всё же продолжил:

— Получается, мы работаем и на тех, и на других?

— Работаем на Баланс, — голос снова стал стальным. —

Иногда — выгнать демона. Иногда — дать санкцию на эпидемию или войну, иначе давление в системе разорвёт её. Демонические квоты — та неприятная необходимость, с которой приходится мириться. Но альтернатива страшнее: тотальное перенаселение, голод и вырождение популяции.

Смутно понимая масштаб происходящего, я продолжал.

— А Ангелы? Они же...

— ...должны быть на стороне добра? — усмешка. — Среди них есть фанатики, верящие, что можно выжечь всю тьму и установить вечный порядок. Они ненавидят Пакт. А есть прагматики, понимающие, что без тьмы нет света. Наш Командор в Совете лавирует между ними, не давая устроить апокалипсис во имя «чистоты».

Ангелы, демоны... Всё как в баре в три часа ночи: одни кричат о чистоте и порядке, другие хотят всё разгромить. А мы тут, как последние алкоголики, пытаемся сохранить видимость приличия, пока они не перебили друг друга.

Я смотрел в окно, пытаюсь осознать масштаб этой машины. Я долго не решался говорить, наблюдал, как она ведёт машину слишком ровно, будто держится за руль как за якорь.

— И ты можешь с этим жить? — тихо спросил я. — Зная, что твоя работа... часть системы, санкционирующей убийства?

Долгое молчание.

— Я не живу с этим, Конрад. Я функционирую. — Голос плоский, выгоревший. — Как твой отец. Как все мы. Потому что альтернатива — конец всего сущего. И когда каждый день видишь, что происходит при нарушении Баланса... эта мысль становится единственным якорем, держащим сознание. Не позволить всему рухнуть. Даже если для этого приходится самому становиться частью ужаса.

Функционирую. Отличное слово. Как холодильник. Или унитаз. Не живу, не чувствую — просто работаю, пока не сломаюсь. И всё ради того, чтобы завтра было так же дерьмово, как и вчера.

Последний, пронизывающий взгляд.

— Вот такая арифметика, новобранец. Один сгорел по глупости. Второй предал и устроил бойню. Активных амулетов — капля в море. Такой молодой псих, как ты — один из немногих шансов этого мира. Не опозорь память отца. И не заставь жалеть, что тащила тебя из той дурки. Понял?

Понял. Что я влип по уши туда, откуда не выбраться. Но хоть компания теперь интересная.

— Понял, — выдохнул я.

Я смотрел на браслет с амулетом. Холодный и тяжёлый. Теперь понимал — это не просто оружие. Это было наследие.

Долг. И крест. И я должен был нести его. Чтобы найти тех, кто стёр память об отце. И не повторить судьбу Марса или Неллуса.

Ну что ж, пап, посмотрим, на что способен твой мальчик. Должен же кто-то продолжить нашу славную семейную традицию — умирать за ебучую вселенную, которая и не просила её спасать.

Мы ехали дальше. Тишина в салоне теперь была наполнена не пустотой, а тяжёлым, общим пониманием. Дорога вела к старому дому и застрявшей в нём душе. К маленькой частичке большого хаоса. Всего лишь класс «С». Для неё это обычный рабочий день, но для меня настоящий шаг в мир, полный опасного и одновременно интересного.

Глава 12

ВОТ И ПРИЕХАЛИ

Долгий путь подошел к концу, когда мы свернули на разбитую проселочную дорогу, ведущую в самую настоящую глушь. Непонятно было, как здесь вообще мог кто-то жить. В свете фар мелькали заброшенные поля. Густой непроглядный лес. Наконец показался дом.

Он был большим. Старым и, видно, с историей. Каждый его скрипучий брусок видел за свою жизнь столько, что хватило бы на десяток других домов. Сумерки сгущались, и фары выхватывали из темноты облупившуюся краску вместе с покосившимся крыльцом.

Крыльцо просело так сильно, что казалось — ещё одна снежная зима, и оно просто рухнет. Несколько окон на втором этаже были заколочены досками изнутри. Только в одном окне горел свет. Были видны суетливо мелькающие силуэты. Иногда один силуэт заслонял другой. Будто люди спорили или пытались удержать кого-то внутри комнаты. А потом движение резко прекращалось. И окно снова замирало.

Оно оставалось открытым. Занавеска за ним едва заметно колыхнулась. Скорее всего, от ветра.

За домом кто-то двигался. Сделал шаг назад, прячась от света фар. Животное?

Идеальное место для воскресного пикника. Если

ты, конечно, маньяк.

Едва мы заглушили двигатель, из дома выбежал священник. Его лицо было бледным, глаза выпучены от ужаса. Голос сбивался. Он нервно перебирал чётки так быстро, словно отсчитывал последние секунды до того момента, когда мы выйдем из машины.

— Слава Богу! — захлебывался он, слова неслись со скоростью пулеметной очереди. — Быстрее! Я больше не могу его сдерживать! Он сейчас прорвется! Семья в опасности!

Каждое слово звучало с надрывом. Синяки под глазами говорили о многом. На воротнике виднелись свежие пятна крови. Надеюсь, что она была не его.

Отлично. Духовная поддержка в лице перепуганного священника.

Выскочив из машины, мы бросились в дом за священником. Холл поглотил нас запахом ладана, пота и чего-то кислого, животного. В центре, в кресле, сидел грузный мужчина в засаленной фермерской одежде. Вокруг на полу был нарисован неровный меловой круг, повсюду валялись распятия. Священник, задыхаясь, рухнул на колени напротив, судорожно сжимая в руках Библию, пытаясь читать псалмы.

Мужчину корчило в судорогах. Ноги выкручивались в неестественных позах, руки бились о подлокотники, а из горла вырывался хриплый, многослойный голос, в котором слышался ужас. Глубокий и раздирающий слух. Один ботинок резко слетел с ноги. Пальцы ступни скребли пол так сильно,

будто пытались вырыть себе выход.

Взгляд, полный ненависти и безумия, упал на нас.

— О-о-о... — протянул он, не сводя взгляда с Агаты.

Голова дёрнулась набок. Сначала в одну сторону, потом в другую. Быстро и рвано.

— Новая куколка в мою коллекцию. — Бросил взгляд на Агату. Улыбка стала шире.

— Эта будет сидеть в первом ряду.

Он сказал это ласково. Будто о любимой вещи.

Агата, кажется, у тебя появился поклонник.

Священник дрожащей рукой высоко поднял распятие. Мужчину силой вдавило в кресло, будто невидимым молотом. Он зашипел, изо рта потекли струйки пены.

— Отсоси, — безразличным тоном бросила Агата и показала ему средний палец.

Вот и весь экзорцизм. Просто и со вкусом. Надо запомнить.

Я стоял в ступоре, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Черт возьми, а ведь Рурк предлагал «подгузники». Надо было взять несколько пачек. Еще бы священнику подкинул. Агата же вела себя так, будто видела такое в сотый раз. Ее движения были выверены и спокойны.

— Где семья? — резко спросила у священника. Тот, не прерывая чтения, мотнул головой вверх.

Затем мы рванули по скрипящей лестнице. В этот момент со стола сорвалась тяжелая лампа и полетела прямо в меня.

На секунду тело замерло, готовясь принять удар. Агата резким жестом выбросила руку вперед. В воздухе вспыхнул полупрозрачный щит. Лампа разбилась о него, осыпая осколками лестницу.

Она едва заметно поменялась в лице. Пальцы на вытянутой руке дрогнули. Но уже через секунду лицо снова стало обычным.

Снизу, из холла, послышался леденящий душу смех. Голова мужчины повернулась к нам под невозможным углом.

— Хотите забрать мои игрушки? — прорычал он. — Я вас всех убью!

— Быстро, — бросила Агата, подталкивая меня. — Он уже почти завладел телом.

Снизу что-то взорвалось. Дом слегка содрогнулся. С потолка посыпалась пыль. На мгновение мне показалось, что это не мужчина пытается выбраться из кресла. А весь дом пытается выбраться из самого себя.

Мы поднялись на третий этаж. Снизу нарастал грохот. Все, что находилось в доме, начало летать и разбиваться. В конце коридора увидели единственную запертую дверь.

— Мы помощь! Открывайте! — постучала Агата. Из-за двери слышались всхлипы. Щелкнул замок. На пороге стояла исхудавшая женщина с лицом, испещренным синяками и ссадинами. За ее спиной, вжавшись в углы комнаты, сидели семеро детей разного возраста. Все они рыдали, их лица были искажены страхом, перерастающим в истерику.

Самая младшая девочка прижимала к груди потрёпанного плюшевого зайца без одного глаза. Рядом стоял мальчишка лет двенадцати. Он дрожал не меньше остальных, но всё равно пытался заслонить младших собой.

— Быстро, — командовала Агата, ее голос был сильным и не терпел возражений. — Всё, что есть, к двери! Закройтесь и больше НИКОМУ не открывайте. Вы слышите? Никому! Даже нам. Женщина, рыдая, кивнула. Дверь захлопнулась, и мы услышали, как за ней потащили что-то тяжелое.

— Надо найти точку входа, — сказала она, поворачиваясь ко мне. — Логово. Ориентируйся на амулет. На свет.

Ориентируйся на амулет. Отличный план. Жаль, я не получил инструкцию по эксплуатации.

Браслет на руке уже светился. С каждой секундой всё ярче и ярче. Радар по обнаружению уродов. Будто чувствовал что-то внизу раньше нас. Я посмотрел на дверь, ведущую в темноту.

Иногда инстинкты пытаются тебя спасти. Кричат изнутри. Заставляют тело остановиться. Уговаривают развернуться. И чем сильнее светился браслет, тем громче становился этот внутренний голос.

Я совершенно не хотел узнавать, куда именно меня ведёт этот свет.

Недолго думая, ведь долго думать я не умею, я сосредоточился. Ведомые светом, мы двинулись дальше по коридору, затем свернули за угол, и свечение усилилось. Вниз по

лестнице. Все глубже и глубже. Вглубь дома, к узкой, почти невидимой в темноте лестнице в подвал, спрятанной за маленькой неприметной дверью.

В гостиной творился ад. Священник, весь в поту, наизусть выкрикивал псалмы. Кресло с одержимым мужчиной оторвалось от пола и зависло в воздухе. Предметы летали по комнате, врезаясь в стены. Проходя мимо, приходилось уворачиваться. Дом трясло. Время кончалось. Агата, не замедляя шага, достала одну из склянок с серебристой жидкостью, выдернула пробку зубами и выплеснула содержимое на корчащегося мужчину.

Раздался шипящий звук, будто на раскаленную сковороду вылили воду. Тело фермера затряслось в конвульсиях. Из рта вырвался вопль. Он на мгновение обмяк, рухнув обратно в кресло. На время все успокоилось, кресло опустилось, а предметы упали. Небольшая передышка была необходима.

— Держись, — бросила она священнику, сунув ему в руки еще одну склянку. Я тоже хотел ему что-нибудь сунуть в помощь, но сам боялся не меньше.

Я, как привязанный, бежал за ней, чувствуя себя абсолютно беспомощным. Затем мы спустились в подвал. Воздух был спертый и холодным. Несколько крыс карабкались по лестнице вверх. Быстро. Нервно пища. Лунный свет едва пробивался сквозь маленькое окно. Штукатурка отваливалась кусками.

В кромешной тьме амулет на руке вспыхнул ярче. Голу-

бой свет выхватывал из мрака груды хлама и паутину. Но он упрямо тянул не к ним, а к глухой каменной стене в углу.

— Тут же ничего нет, — растерянно произнес я, вода ладонью по шершавой поверхности.

— Не будь так наивен, — отозвалась Агата. Она отшатнулась и нанесла сильный удар сапогом в стену. Раздался глухой удар. Посыпалась штукатурка. Второй удар. Третий. Под слоем обвалившейся грязи и досок проступили очертания. Массивные, старые доски, сколоченные крест-накрест. За ними замурованная дверь.

— Что же там? — прошептал я, чувствуя, как амулет на руке начинает сиять все ярче. Агата ничего не ответила. Она лишь достала свой «Серафим». Лицо в призрачном свете амулета было серьезным и сосредоточенным. Щелчок предохранителя прозвучал громко в подвальной тишине.

Следующим ударом ноги Агата выбила доски. Звук был не громким, а каким-то влажным. Мясистым, словно она лягнула не дерево, а гниющую плоть. Те с хрустом поддались, и из черного провала хлынул запах тления, чего-то старого, сладковато-приторного. Запах забытых тел. Запах высохшей плоти. Холод, исходивший оттуда, был не физическим, а душевным; он заставлял кожу покрываться мурашками от первобытного страха.

Я тоже взвел курок «Серафима». Мягкий свет амулета не столько освещал, сколько уродовал пространство. Выхватывал из тьмы узкий, словно горло, коридор. Вырытый в спрес-

сованной за века земле. Справа и слева было видно комнаты. Приглядевшись, я увидел решетки. Это были клетки. Клетки в сумасшедшем доме забытого Богом зверинца. Всего шесть. Первые две были распахнуты. Их тьма казалась живой, дышащей.

Мы медленно вошли внутрь. Грязь. Просевшие матрасы, усыпанные желтыми, ржавыми и бурыми пятнами. Старые ведра. Но самое ужасное были стены. Они не просто были покрыты царапинами. Это были послания. Глубокие, отчаянные борозды, оставленные ногтями. Смытая, но проступившая сквозь штукатурку бурая кровь складывалась в узоры. В какие-то безумные, незаконченные круги. И отпечатки ладоней — десятки, сотни маленьких, больших ладоней, вжатых в глину с такой силой, что казалось, они кричат беззвучными ртами, просятся наружу.

— Здесь держали кого-то... — голос сорвался в шепот. Но слово «жертв» застряло в горле.

— Это фермер все сделал?

— Да не он, — голос Агаты был тихим и осторожным. — Тот, кто жил здесь до него. Фермер... просто нашел эту рану в пространстве. И она его поглотила.

Рана в мире. Она сказала это так спокойно. Будто такие вещи вообще должны существовать.

Мы двинулись дальше. Вглубь этого кошмара. Земляной пол впитывал шаги, делая их беззвучными. Следующие клетки повторяли ту же жуткую симфонию. И с каждой клет-

кой амулет ныл все сильнее, предупреждая об опасности. Сливался с болью, впитанной этими стенами. В ушах начал нарастать тонкий, высокий звон. Звук абсолютной тишины, доведенной до точки кипения.

А потом свернули за угол. Свет выхватил не клетку, а нечто иное. Комнату слева было сложно назвать камерой. Не похожа на камеру. Не на подвал. Даже не на логово. Мастерская.

Слово пришло само, отвратительное и точное. Металлические столы, застеленные когда-то клеенкой, теперь были покрыты бурыми, почти черными, наслоениями. Повсюду валялись инструменты. Ржавые ножницы, скальпели с зазубренными лезвиями. Огромные, кривые иглы с обрывками ниток. Темные и склизкие.

Воздух был густым и спертым. Пахло формалином и пылью. Химическим нектаром для бальзамиривщика. Но под этим запахом витал другой, куда более страшный. Запах одиночества, доведенного до сакрального безумия. Стены здесь впитали боль. Они помнили ее, шептали. Я слышал этот шепот на краю сознания — тихий, настойчивый, полный шипящих согласных.

В углу была свалена груда разобранных кукол. Их фарфоровые лица, усеянные паутиной трещин. Они смотрели на нас пустыми глазницами. А их части — руки, ноги — валялись вокруг, словно выпотрошенные внутренности. Тут и там лежали иссохшие кости. Состояние было настолько

неуютным и жутким, что подсознательно я не хотел узнавать, к чему могут привести эти находки.

И тогда луч света, дрожащий от неуверенной руки, скользнул дальше, в соседнюю комнату, и то, что мы увидели, выбило из-под ног последнюю опору. В дальнем конце, прямо на стене, висел огромный, самодельный экран из грязной простыни. А перед ним, как в кинозале, стояли в три ряда около тридцати стульев. И на каждом сидели женщины. Точнее, то, что от них осталось. Сначала мозг отказался понимать, на что именно смотрит. Образы мелькали. Он цеплялся за мелкие детали. За платье. За волосы. За человеческие пальцы. В конце складывая всё это в одну картину.

Каждое тело было тщательно, с извращенным искусством, сшито с частями больших фарфоровых кукол. Кукольные руки, холодные и глянцевые, были привинчены к человеческим плечам. Кукольные ноги, изящно изогнутые, — к костлявым бедрам. Головы были заменены на фарфоровые. На них нарисованы радостные до идиотизма улыбки с широко раскрытыми глазами. Как стекло.

На некоторых фарфоровых шеях виднелись следы старого клея. Будто мастер переделывал работу несколько раз. Относился к делу с рвением. Пока не оставался доволен результатом.

Но самое ужасное было не в этом. Самое ужасное — они как будто шевелились. Не сильно. Почти незаметно. Одна медленно, с сухим скрипом, повернула голову. Другая, сидя-

щая в первом ряду, подняла свою фарфоровую руку и помахала нам. Ее пальцы издали тихий, костяной стук. Они сидели здесь, как зрители в кинозале, ожидающие начала сеанса. Их застывшие, радостные улыбки были обращены теперь на нас.

Мне вдруг стало не по себе от одной мысли. Эти стулья были расставлены не для просмотра экрана. Они были расставлены для них.

Меня вывернуло. Я рухнул на колени, и желудок изрыгнул наружу все, что было. Потом еще и еще, пока не пошла желчь, горькая и едкая. Слезы текли ручьями. Взгляд не мог оторваться. Это был не просто кошмар. Это было тщательно выстроенное святилище безумия.

— Каждая... — захлебнулся я, даваясь собственными рыданиями. — Это же чью-то дочь украли... чью-то сестру... Их жизни... он... он не просто убил... он собрал из них это...

Даже Агата, казавшаяся неуязвимой, отступила на шаг. Ее лицо было пепельно-серым. Губы плотно сжаты. В глазах, обычно таких уверенных, читался шок, граничащий с ужасом.

— Больной убудок, — прошипела она, и в голосе впервые слышалась не сталь, а нечто хрупкое. — Я прослежу... я сделаю так, что даже Ад отречется от него.

Но что-то во мне. Последняя тонкая нить, связывающая с реальностью, порвалась. Тошнота и ужас взорвались изнутри яростной истерикой. Вскочив на ноги, сжимая «Серафим»

так, что пальцы онемели.

— КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО?! — закричал я, и голос сорвался в визг. Сливался с нарастающим шумом, который теперь исходил не только от амулета, но и от самых стен. — Почему?! Почему такие твари ДЫШАТ?! ХОДЯТ ПО ЗЕМЛЕ?! Разве нельзя было... — повернулся к Агате, тыча пальцем в ряды этих жутких марионеток, которые теперь все смотрели на нас своими стеклянными глазами. — Имея все это! Все эти амулеты, щиты, порталы в черт знает куда! Вы не могли найти и РАСТЕРЗАТЬ эту тварь ДО ТОГО?! ДО ТОГО, КАК ОН СДЕЛАЛ ЭТО... ЭТОТ АД СВОИМИ РУКАМИ?!

Слезы текли по лицу. Смешивались со слюной и рвотой. Меня трясло в лихорадке. Безумие, от которого меня лечили в палате, казалось теперь детской сказкой. В сравнении с этим холодным, расчетливым, рукотворным безумием.

— СМОТРИ НА НИХ! — завыл я, и в этом крике слышался тот же самый ужас, что и в царапинах на стенах. — ТРИДЦАТЬ! И все, что вы делаете — это поддерживаете ваш ебучий БАЛАНС?! ДА СГОРИТЕ ВЫ ВСЕ В АДУ! ВМЕСТЕ С НИМ!

В этот момент амулет на руке взорвался. Это был слепой, яростный, ненавидящий свет. Он выжиг сетчатку, отбрасывая на стены гигантские, искаженные тени шевелящихся кукол. Он жужжал, как рой разъяренных ос, и этот звук впиался прямо в мозг. Он отвечал мне. Соглашался. И на гряз-

ном экране из простыни, прямо перед рядами немых, шевелящихся зрителей, реальность захлебнулась и разорвалась. Это была рана. Пульсирующая, сочащаяся багровым, живым светом, из которой доносился не шепот, а хохот. Безумный, многослойный, торжествующий хохот.

Агата резко схватила меня за лицо, ее пальцы впились в щеки. Глаза, полные того же самого животного ужаса. Почти как у меня. Только под контролем. Ее действия были при этом невероятно четкими.

— Конрад! — ее голос пробился сквозь шум и хохот, как нож. — ДЫШИ! Не отдавай ему свой разум! Он этого и ждет! Не теряй голову сейчас, черт возьми! Она отпустила меня. Я все еще тяжело дышал. Как загнанная собака, кивнул. Ярость никуда не делась. Она смешалась со страхом, с отвращением, с безумием, и родила нечто новое — холодную, безжалостную, инстинктивную решимость. Затем я вытер лицо, и голос прозвучал сипло, но твердо:

— Хорошо. Я ему устрою. Лично. За всех.

— Вот он. Логово, — крикнула Агата, перекрывая нарастающий звук и хохот. — Быстрее!

Она схватила меня за ослабевшую руку, и мы рванули вперед, к пульсирующему рту. К багровой ране в мире. Я не знал, что ждало по ту сторону. Только обещание еще большего кошмара. Но теперь я бежал ему навстречу, и мой амулет. Мое сердце. Разум, раскалывающийся на осколки, горели одним и тем же ледяным огнем. Затем мы шагнули в

разлом. Мир содрогнулся, закричал и вывернулся наизнанку, увлекая в самое нутро безумия.

Астрал. Не помойка. Скотобойня мироздания.

Мир не просто выцвел. Он сгнил заживо. Воздух был густым и тягучим, как патока, каждый вдох обжигал легкие спорами какой-то плесени в воздухе. Давление было таким, словно стояли на дне океана из спрессованных кошмаров.

Мы вывалились по ту сторону. Меня пронзило ощущение, что пролезли через утробу. Мир изменился. Изменился пейзаж. Изменились куклы.

Они... сидели. Здесь у них были тела. Но это была не жизнь. Это была пародия на нее, вечная агония. Их призрачные силуэты состояли из серой, шевелящейся массы. Смотрели в экран, впитывали. Рты были распахнуты в беззвучном крике, а из глазниц сочилась черная смола, капавшая на пол с мерзким щелчком.

Горло сжал спазм. Воздух вырвался бы воплем, но Агата впилась пальцами в лицо. Ее ладонь намертво запечатала рот.

«Ни звука», — пронзили мозг ее слова. «Один звук — и они заметят нас».

Мы медленно поползли по стене. В ранее пустых клетках спали похожие на стариков фантомы. Их тела уже тронули изменения. Они лежали неподвижно, но сон был тревожным. Видели кошмары, которые перестраивали плоть изнутри.

Меня трясло. Внутри все сжалось в ледяной ком. Мы медленно поднялись в холл, где должно было быть тело. И увидели.

Тело фермера было еще в кресле, но теперь напоминало разорванный кокон. А нечто... Оно почти полностью вошло в него. Его конечности, длинные и гибкие, обвивали тело. Спина была усеяна шевелящимися, слепыми ртами. А лицо... лицо было одной сплошной улыбкой. Широкой, от уха до уха, без губ — просто полоса идеально белых зубов.

Оно увидело нас. И улыбка зашевелилась. Края поползли вверх, обнажая все больше зубов.

— Мать твою... — выдохнула Агата. — Он прорвался. Беги!

Все исчезло. Схлопнулось с грохотом рвущейся плоти.

Мы рванули назад. И в тот же миг Астрал проснулся. «Старики» в клетках. Их веки отвалились, обнажив взгляд. Один вскочил с рыком и ударился о решетки. Ржавое железо лопнуло. Затем еще один. Еще и еще. Поток исковерканных тел хлынул в коридор.

— Стреляй! — закричала Агата.

Теперь мы бежали, отстреливаясь. Прыжок в экран был похож на падение в мясорубку. Вселенная вывернула нас назад. Мы рухнули обратно в подвал. Тело священника лежало в центре комнаты — разорванное, с вывернутыми суставами. Сверху доносился крик. Визг. Хруст досок возвещал о скорой расправе с семьей.

Мы взлетели по лестнице. Дверь была разломана. Тело фермера перешагивало через комод. Кожа — серая, глаза — молочные, рот растянут в той самой улыбке.

— ПА-А-А-ПА... — сипело оно. — ПОИГРАЕМ... С КУКЛАМИ...

Агата не кричала. Она просто бежала, не замечая ничего вокруг. Дети и женщина сбились в кучу в углу.

— Папа... — прошептал самый маленький. В надежде, что отец еще там.

Агата не целилась. Она просто выстрелила. Пуля попала существу в затылок. Раздался звук рвущегося полотна реальности. Тело затряслось в судорогах. Из раны вырвался столб багрового пламени. Сквозь огонь проступил лик. Его с оглушительным визгом засосало в черную дыру. Все схлопнулось. Тело рухнуло на пол. Обычное, смертное.

Наступила тишина. А потом комната взорвалась криком. Дети рыдали, кричали "папа" — с надеждой или с осознанием невозвратимой потери.

Агата опустила пистолет.

— В самый низ, — тихо сказала она. — Туда ему и дорога.

Но почему-то легче не стало. Монстр исчез. А стулья в подвале остались. И женщины тоже. Иногда смерть убивает чудовище. Но не то, что оно успело оставить после себя.

Она вышла в коридор. Я остался в эпицентре этого крика. Мы убили монстра. Но не смогли убить память о нем. И ее отголоски будут звучать здесь — и в моей голове — еще

очень долго.

Когда всё закончилось, я вдруг понял одну вещь. Всё это время я боялся, что схожу с ума. После такого проблема стала другой. Я начал бояться, что был слишком нормальным. Мир оказался гораздо больнее меня.

Глава 13

УБОР

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.